

Дуглас Брайан Иероглиф желаний

Конан-киммериец скитается по свету и поисках приключений. Он охотится на загадочных чудовищ, воюет с колдунами и некромантами от Вендии до Кхитая и восстанавливает справедливость по всей Хайбории, спасая невинных и карая Зло.

Дуглас Брайан

1

Краденая мудрость

Всякий, кто увидит пагоду, выстроенную мудрецом и чародеем Тин-Фу на склоне горы Размышлений, поймет, почему Тин-Фу считается одним из величайших мыслителей Кхитая. Все в этой пагоде обладает глубочайшим смыслом. Три ее яруса подобны трем возрастам жизни,

Так что первый выкрашен веселой желтой краской, второй – деятельной красной, а третий – созерцательной голубой. Колокольчики, повешенные под кровлей, все обладают различной формой, уподобляясь небесным животным, что шествуют один за другим, знаменуя смену времен года.

Тин-Фу не всегда был мудрецом, хотя в это трудно поверить. В незапамятные времена он пас овец на склонах этой самой горы, у которой в те годы даже не было имени – была она такой же дикой и неосмысленной, как и сам Тин-Фу. Родители его происходили из знатного рода, однако вследствие несчастий, что обрушивались на злополучную семью на протяжении нескольких десятков зим, очень обеднели. Поэтому свою дочь они продали купцам, а сына отдали в услужение некоему господину Дэхаю в уплату одного из многочисленных своих долгов. Господин Дэхай приставил юношу к овцам и надолго забыл о нем.

У Дэхая имелись куда более важные дела. Он пытался утвердиться при дворе кхитайского государя в качестве Первого Советника (ну, на худой конец – Второго), для чего ему требовалось непрерывно вести интриги против своих врагов и умищать лестью своих союзников. И тех, и других у Дэхая было много, и ему пришлось нанять особого мудреца, который за умеренную плату подсказывал своему повелителю: кто именно из окружающих его людей в данный момент является его другом, а кто уже сделался врагом. Ситуация менялась каждый день, так что Дэхай едва успевал следить за ее ходом.

До того ли ему было, чтобы следить, как живет-поживает юноша, сын его должников, которому поручено пасти овец на склоне безымянной горы, лохматой и неосмысленной,

подобно самому этому юнцу!

Раз в луну Тин-Фу навещал отца и мать и каждый раз видел, что они все больше стареют, что беды все больше угнетают их; однако, сострадая им всем сердцем, сын не мог избавить их и от малой толики несчастий. У них в доме болели куры и дохли утки, которых мать выращивала, надеясь прокормить семью зимой. То и дело обрушивалась крыша, и у отца не хватало сил починить ее. Кредиторы забирали все деньги, какие только удавалось выручить. То один, то другой из стариков принимался кашлять, и Тин-Фу знал, что любая болезнь может оказаться для его родителей последней.

И вот однажды глубокой ночью на дом стариков был совершен набег. Кто-то, невидимый в темноте, спустился с горы и налетел на убогое строение. Запылали стены, огонь охватил крышу. С криком выбежали старики наружу, и тотчас зарубили их бандиты. Немногочисленный скарб – все, что осталось от этих разорившихся аристократов, – так и остался нетронутым. Но все-таки имелось нечто, что бандита захватили и вывезли с собой.

Когда Тин-Фу в очередной раз приехал навестить родителей, он увидел их непогребенные тела, сожженную хижину, а посреди нее – ямку, выкопанную уже после того, как пепел остыл. Так он узнал о том, что в доме его стариков родителей хранилось некое бесценное достояние.

Долго думал юноша, как ему поступить, и наконец решился взять на себя священное право мести за убитых. Он распустил волосы – а они были у него длинные, вымазал лицо грязью и поклялся не есть ничего, кроме травы, покуда не свершится отмщение.

Неизвестно, смотрели ли на него боги, покуда он давал свою клятву. Ничто вокруг не шелохнулось, даже лягушки сидели в траве неподвижно. И стал Тин-Фу бродить по стране, точно утративший рассудок, трясая разломаченными грязными волосами, ворочая чумазым лицом и блестя горящими глазами. Многие уже узнавали его на улицах кхитайских городов и говорили друг другу:

– Это безумный Тин-Фу, у которого убили родителей. Он ищет тех, кто сделал это.

И многие прятались, когда он появлялся, потому что боялись, как бы он не принял их за убийц и не вздумал мстить невиновным. Однако Тин-Фу никого не трогал. Бродил среди людей и вглядывался в их лица, как будто хотел разобрать на них письмена. И вот однажды на рыночной площади маленького городка Го остановил его весьма уважаемый старик. Этот человек с длинной седой бородой и извивающимися, точно два угря, усами, бесстрашно взял сумасшедшего за руку и повел за собой. О, чудо, – Тин-Фу пошел за ним послушно, точно дитя! Многие дивились, глядя на эту картину. Мудрец отвел молодого Тин-Фу на склон горы, необжитой и страшной, и показал ему на овец, что разбрелись кто куда.

– Чьи это овцы?

– Господина Дэхая, – ответил Тин-Фу и удивился тому, как трудно сходят с его губ человеческие слова. За время своего безумия он почти разучился говорить по-человечески.

– Кто этот господин? – продолжал вопрошать мудрец.

– Некогда наша семья попала от него в зависимость, и он отобрал все наши имения, – стал рассказывать Тин-Фу.

– Я спрашивал не это, – произнес мудрец.

– Господин Дэхай – придворный, который хочет стать Первым Советником, – сказал Тин-Фу. – Я думал, это все знают.

– Это все знают, – согласился мудрец, – но не все это осмыслили как следует. И ты, произнеся это вслух, должен был кое-что понять.

– Что? – спросил Тин-Фу, который ровным счетом ничего не понял.

– Твоя семья мешала господину Дэхаю, – объяснил мудрец. – Господин Дэхай внимательно следит за всеми, кто мог бы стать препятствием на его продвижению к цели.

– Далеко ли он от своей цели? – спросил Тин-Фу.

Мудрец тихо рассмеялся.

– Ты тоже умеешь задавать вопросы! – воскликнул он. – Пожалуй, я мог бы взять тебя в свои ученики.

Тин-Фу медленно провел рукой по своему грязному лицу и задумался: хочет ли он расставаться со своим новым образом жизни, чтобы переменить его на прямо противоположный? Желает ли он отныне проводить свои дни в созерцании, заучивании и слушании?

Мудрец смотрел на него и посмеивался, но ничего больше не говорил.

Тогда Тин-Фу сказал:

– Когда я осматривал пепелище родительского дома, я заметил ямку – как будто оттуда забрали нечто небольшое, глубоко зарытое под землю.

– У твоих родителей имелось нечто, чего жаждал Дэхай, – сказал мудрец. – Поэтому он устроил так, что они утратили все свое богатство. Он хотел, чтобы они отдали ему в уплату долга то, чем обладали, и то, чем он столь отчаянно стремился завладеть.

– Стало быть, это господин Дэхай – мой заклятый и кровный враг! – произнес Тин-Фу. – Я должен был сразу это понять и не бродить по городам людей, утратив рассудок. Но как я мог догадаться? Ведь он единственный относился к нашей семье по-доброму, когда нас постигли все наши несчастья! Он дал мне работу и не отбирал у нас последнего, позволяя кое-как существовать в убогой хижине...

– Зато другие кредиторы были к вам чрезвычайно суровы, – напомнил мудрец. – Скажи, откуда тебе известно, что это не господин Дэхай подговаривал их проявлять такую нечеловеческую жестокость? И кто были те разбойники, что убили твоих мать и отца? Не подосланные ли Дэхаем?

Тин-Фу заскрежетал зубами. Несколько мгновений он только и делал, что тряс головой, скрипел зубами и мотал волосами. И пока он это делал, грязь отваливалась с его тела высохшими кусками, так что он становился все чище и чище. И когда наконец Тин-Фу успокоился, мудрец увидел перед собой вполне благообразного молодого человека, готового внимать рассуждениям и задавать правильные вопросы – те, которых ожидает учитель, дабы дать на них правильные ответы.

Они поселились на склоне безымянной горы и построили там небольшую хижину из тонких стволов бамбука. Тин-Фу жил на пороге хижины, а его учитель – внутри. Все свое время они проводили в рассуждениях и разговорах. Иногда Тин-Фу уходил в лес, чтобы набрать для учителя съедобных трав и плодов. Сам же он время от времени ставил силки, ловил птиц или вытаскивал, насадив на острогу, рыбу из горного ручья, однако учителю об этом не рассказывал. Мудрец строго осуждал убийство любого живого существа и даже старался не выходить из хижины летом, дабы случайно не раздавить жука или муравья.

Учитель рассказывал ученику о медленном ходе звезд по небу и о смене правителей Кхитая; обучил его сложной придворной иерархии и родословным знатных родов, которые сплетались сложнее, чем нити в ковре. Постепенно Тин-Фу начал понимать, что его семья действительно представляла угрозу для честолюбивых замыслов Дэхая. Но что же хранилось в доме его родителей? Чего домогался Дэхай?

– Поняв это, ты поймешь и все остальное, – сказал ему учитель. – К несчастью, это – единственная вещь, которую нельзя постичь одним лишь созерцанием. Тебе придется отправиться в путь и разобраться в этом не в духе, но в телесной оболочке. Увы! Этот путь и труднее, и дольше, и таит в себе больше опасностей совершить ошибку, но другого выхода нет.

– Но я вернусь сюда? – спросил Тин-Фу.

Мудрец кивнул.

– Со временем этот дом станет твоим, как стали твоими мои познания.

И Тин-Фу, одевшись странствующим торговцем, отправился в долгий путь, а его учитель остался один на склоне безымянной горы.

И вот перед путником открылся город Небесных Властителей. Еще издалека увидел Тин-Фу позолоченные крыши с изогнутыми карнизами – такие формы препятствуют проникновению злых духов внутрь помещения.

Перед воротами он заметил скопление народа и смешался с толпой. Там явно происходило нечто чрезвычайно важное. Действительно, вскоре из ворот выбежали стражники в ярко-желтых шелковых халатах, вооруженные огромными кривыми саблями. Громко крича, они принялись расталкивать толпу, чтобы люди расступились и освободили место перед воротами. Оттесненный вместе со всеми, Тин-Фу терпеливо ждал. Впереди он видел только сверкающие на солнце желтые спины солдат императорской гвардии.

Затем на площадь перед воротами начали выходить знатные люди. Глазам больно было смотреть на шелка всех возможных цветов, вышитые и украшенные драгоценными камнями. На высоких головных уборах также блистали самоцветы. Некоторые носили в прическах цветы. Все эти люди выстроились по обе стороны от ворот. Наконец важный человек, низкорослый и кривоногий, выбежал из ворот, держа на вытянутых руках деревянный поднос, имевший форму облака. Этот поднос он поставил на паланкин, украшенный изображениями драконов. Паланкин подняли к верхней площадке ворот, где уже ждал специальный человек. Этот человек развернул длинный лист бумаги и громко прочитал:

– Указ Владыки! Верный наш слуга Дэхай своими заслугами заслужил любовь и доверие нашего сердца! По этой причине он назначается Вторым Советником! Его семья получает земли вокруг города Го! Он награждается алмазом «Мизинец Несравненной»! Он будет награжден личным поцелуем Владыки в присутствии всех придворных!

Затем глашатай торжественно вложил свернутый лист в клюв позолоченного деревянного феникса.

Феникс был изготовлен с величайшей тщательностью, ведь деревянному подобию выпала величайшая в мире честь изображать самую красивую и самую почитаемую птицу среди пернатого племени. У нее горло ласточки, клюв петуха, шея змеи, хвост рыбы, лоб журавля, расцветка перьев дракона, спина черепахи. Перья этой птицы имеют пять цветов, которые означают пять основных добродетелей: человеколюбие, долг, пристойность, знание и верность. Феникс редко летает и при полете ее сопровождает стая маленьких птичек. Эта великая птица милосердна, она не клюет насекомых и не питается живыми существами и травами: пищей ей служит бамбук, а жажду она утоляет только из самого чистого родника.

Поэтому самые важные указы владык объявляли не иначе, чем через феникса, и Тин-Фу прибыл в столицу как раз вовремя, чтобы увидеть, как это происходит.

Раскрашенную деревянную птицу осторожно спустили с башни на площадь, и кривоногий коротышка принял ее и поставил на паланкин. Процессия медленно втянулась в ворота.

– Куда они теперь? – спросил Тин-Фу у своего соседа, изогнувшегося под невероятным углом, чтобы хоть что-то разглядеть между плечами солдат.

– В Палату церемоний, – сказал горожанин. – Там с указа снимут копии и разошлют по всей стране... Эх! Уже второй раз этот Дэхай оказывается героем императорского указа, изданного с помощью феникса! А это, брат, не шутки.

– Кто такой Дэхай? – спросил Тин-Фу, притворяясь незнающим. – За что ему оказывают подобные почести?

– Ах ты, бедный глупый деревенщина! – сказал горожанин. – По всему видно, что пришел издалека, и не могу предсказать тебе счастливую судьбу в этом городе, где не жалуют дураков!

– Так кто такой Дэхай? – повторил свой вопрос Тин-Фу.

– Он нашел способ укрепить прическу государыни, которая укладывает волосы в форме облака. Малейшего дуновения ветерка достаточно, чтобы это совершенство было нарушено, – ответил горожанин. Как всякий житель столичного города, он был в курсе всех дворцовых сложностей и сплетен. – А Дэхай изобрел жесткий каркас, который не портит внешнего вида прически и придает ей прочность.

Из услышанного Тин-Фу сделал совершенно правильный вывод о том, что Дэхай имеет своих людей в окружении государыни и что эти люди представили капризной, занятой исключительно своей внешностью женщине Дэхая в качестве человека совершенно незаменимого. Такая новость огорчила Тин-Фу. Теперь будет труднее подобраться к Дэхаю. Однако он не терял надежды.

Поблагодарив соседа, он начал пробираться к другим воротам, ведущим в город, – к воротам для простолюдов.

Город Небесных Властителей был роскошным и многолюдным. Несколько дворцовых строений отделялись от шумных улиц высокими стенами. А на улицах кипела настоящая давка. Прохожие не шли, а бежали – кто туда, кто сюда; на прямых коромыслах раскачивались корзины с рыбой, зеленью, домашней утварью. Кто покупает, кто продает, все кричат, шумят, размахивают руками. Двухколесные запряженные маленькими косматыми лошадками тележки тянутся нескончаемыми вереницами. Движение то и дело задерживается. На рыбных, мясных, овощных, посудных рынках собираются толпы народа. Хлопают на ветру холщовые рубахи и штаны, соломенные шляпы оживленно вертятся во все стороны. Под четырехугольными зонтиками прямо на мостовой сидели занятые своим делом бродячие ремесленники, цирюльники, харчевники. Огонь в маленьких медных плошках горел перед ними жарко и весело, исправно совершая предназначенную ему работу: плавить, жарить, кипятить, коптить. А между прочими повсеместно располагались бесчисленные нищие отвратительного вида – слепые, паралитики, покрытые зияющими ранами.

Город весь был изрезан узкими переулками, застроенными одноэтажными глинобитными домами с окнами, обращенными во двор.

В этих строениях дворики были точно пчелиные соты: со всех сторон они замыкались главным домом и флигелями. Юго-восточная сторона – счастливая – обычно была занята жилищем хозяев, а юго-западная, несчастливая, – хозяйственными пристройками.

Тин-Фу долго бродил по городу, плутая в лабиринтах улочек. Здесь было столько народу, что для еще одного человека, казалось, попросту не находилось места. Ему негде было даже сесть на мостовой.

В конце концов, отчаявшись найти выход из своего бедственного положения, Тин-Фу решил обратиться к учителю, который остался далеко отсюда, на склоне безымянной горы. Отыскав место на углу двух забитых людьми улочек, Тин-Фу вбил в землю свой дорожный посох, а поверх него надел свою же дорожную шапку – и так получилось у него некое подобие тощего человека с немного искривленной спиной. Этот «человек» из посоха совершенно напоминал учителя. Тин-Фу склонился перед ним в почтительном поклоне и спросил:

– О, многомудрый наставник, вот я и очутился в городе Небесных Владык! Но нет здесь для меня даже малого клочка земли, куда я мог бы примостить свою тощую задницу!

Затем он выпрямился и сделал вид, будто слушает. Несколько нищих, сидящих поблизости на земле, зашевелились, но вставать не спешили. Остановилось несколько прохожих. У одного из корзины высовывался еще живой угорь. Он разевал рот и пучил глаза, как будто его в высшей степени изумляло увиденное.

Тин-Фу зашел за палку и, выглядывая оттуда, скрипучим стариковским голосом ответил сам себе:

– О заднице ты печешься, неразумный! Подумал бы лучше о том, куда пристроить свою голову! А если голова будет пристроена, то и для задницы место найдется, – уж голова-то надумает, куда ее примостить!

Низко поклонившись палке с надетой на нее шапкой, Тин-Фу снова превратился в ученика.

– О, многомудрый наставник! Я положу твою речь прямо в мое сердце! Но скажи, куда мне деть мою голову, если она здесь нужна не больше, чем иные части моего тела?

И снова отвечал за наставника:

– Употреби ее для размышлений!

Несколько женщин хихикали, прикрывая лицо пестро расшитыми рукавами. А Тин-Фу разошелся. Он то кланялся посоху, то сурово отчитывал сам себя за глупость, а затем принимался униженно благодарить «учителя» за урок.

Вдруг общий смех замолк. Толпу зевак растолкали слуги, и в переулок медленно, важно вполз паланкин, лежащий на спинах дюжих носильщиков-северян.

Из паланкина показалось круглое красное лицо. Черные глаза сердито щурились. Он высунул руку и вяло шевельнул толстым указательным пальцем. В то же мгновение к Тин-Фу подбежал верткий человечек – до этого он вился возле дверцы паланкина, готовый выполнить любое поручение находящегося внутри господина.

– Мой повелитель желает знать, что здесь происходит? – спросил он у Тин-Фу строго.

Тот вежливо поклонился сперва в сторону паланкина, а затем и верткому человечку.

– Я всего лишь беседую с моим наставником! – ответил он, и ни один мускул на его лице не дрогнул, предательски намекая на возможность улыбки.

Верткий человечек сердито огляделся по сторонам.

– Но я не вижу здесь никакого наставника! – воскликнул он наконец. – Это всего лишь дорожный посох, сбитый и кривой!

– Но поверх него надета шапка, – возразил Тин-Фу, – а эта шапка принадлежала великому мудрецу! Разве не сказано: «Надлежит воздавать почести сану и титулу, невзирая на внешность носящего сан и титул»?

Сбитый с толку, доверенный слуга важного господина обернулся к паланкину. Он явно не знал, что ему надлежит делать. Не то проучить наглеца, не то посмеяться над ним и дать ему пару монет.

Но важный господин в паланкине решил по-своему.

– Ты остроумный малый, – вымолвил он. – Чтобы найти ответ, тебе не приходится лазить к себе за пазуху.

– Это так, – с низким поклоном отозвался Тин-Фу, – я предпочитаю извлекать слова из-за чужих пазух, поэтому-то меня и называют вором и бьют палками везде, где только ловят на воровстве.

Господин засмеялся.

– Я хочу видеть тебя в моем дворце, – сказал он. – У меня сегодня был хороший день. Властелин пожаловал меня званием Второго Советника, и я намерен поделиться моей удачей, дабы она не вздумала меня покинуть, сочтя скупердям.

У Тин-Фу захватило дух. Перед ним был сам господин Дэхай! Естественно, они не узнали друг друга. Прошло слишком много времени с тех пор, как они виделись в последний раз. Дэхай с тех пор стал одеваться в разноцветные шитые шелка, растолстел, сделался красен и одышлив, да и годы взяли свое – он постарел. А Тин-Фу превратился из мальчика в молодого мужчину. И если мальчик был вечно голоден, с озлобленным взглядом и тощими слабенькими руками, то молодой мужчина обрел уверенность в себе, осанку мудрого человека и взгляд того, кто знает себе цену.

Низко-низко поклонился Тин-Фу господину Дэхаю.

– Это счастливейший день в моей жизни, – проговорил он дрогнувшим голосом. С этими словами он выдернул свой посох из земли, нахлобучил шапку опять себе на голову и, ни слова больше не сказав, зашагал вслед за паланкином.

* * *

Так вышло, что Тин-Фу поселился во дворце Дэхая и получил бесценную возможность наблюдать за своим кровным врагом вблизи. Он смешил Дэхая, и тот считал его забавным и совершенно не опасным малым. Слуги дома по-разному относились к новому любимчику господина. Большинство – с полным равнодушием: время от времени Дэхай жаловал своим вниманием то одного, то другого человека, играя с людьми, как с куклами, но с течением

времени новые забавы приедались ему, и Дэхай забывал их. Бывшие любимцы, получив некоторое количество благ – кто сколько успел ухватить, – отправлялись кто куда: одни уезжали, и след их терялся, другие находили себе работу в большом доме, третьи, обвиненные в каком-нибудь вздорном преступлении, заканчивали свои дни в водной тюрьме. Тюрьма эта была особенно ужасна своей сыростью: заключенные жили в ней, погруженные по колено в воду. Их кости страшно ныли, их плоть гнила, и они умирали в темноте и страшных мучениях.

Естественно, Тин-Фу рассчитывал избежать подобной участи. Ему требовалось узнать секрет своих родителей, похищенный Дэхаем, причем сделать это надо было прежде, чем господину Дэхаю надоест слушать шутки и поучения своего нового домочадца.

Единственным настоящим, открытым врагом Тин-Фу в его новом доме сразу стал управляющий. И вовсе не потому, что почтенный слуга опасался влияния нового человека, нет. Просто управляющий обладал склонностью к выпивке, о чем все знали, но то не говорил. Это считалось простительной слабостью почтенного слуги.

Даже господин Дэхай не решался сделать замечание столь заслуженному человеку, хотя тот и стоял много ниже его на иерархической лестнице, потому что управляющий служил еще его отцу и обладал определенным «теневым влиянием»: говорили, будто некоторые из наложниц Небесного Владыки были его дочерьми или внучками. Впрочем, это сохранялось в тайне.

Как бы то ни было, Тин-Фу скоро заметил, что господину Дэхаю чрезвычайно хочется сделать своему управляющему выговор относительно злоупотребления горячительными напитками, но, учитывая некоторые «теневые возможности», он не решается это сделать. И тогда Тин-Фу прилюдно рассказал следующее:

– Один молодой человек пристрастился к вину настолько сильно, что даже ночью не мог обойтись без него. Когда он ложился спать, то рядом с кроватью на земляной пол ставил бутылку с вином. Проснувшись ночью, он протягивал руку к бутылке, отпивал немного и вновь засыпал. Однажды с ним произошло невероятное: когда он по привычке протянул руку к бутылке, злой дух схватил его и стал тащить под землю. Услышав отчаянный крик, родственники молодого человека поспешили к нему в комнату, но было поздно: они увидели только его голову, погружавшуюся под землю, будто в воду...

Все кругом засмеялись, и громче всех веселился господин Дэхай. А управляющий стал мрачнее ночи и закрипел зубами. Услышав этот звук, Тин-Фу понял, что нажил себе смертельного врага. Однако он не считал это опасным, поскольку ему важнее было войти в доверие к своему господину и угодить ему так, чтобы его вечная бдительность заснула крепким и сладким сном, как если бы она накурилась порошка черного лотоса.

На следующий день Тин-Фу увидел, что управляющий ходит вокруг дома и что-то говорит работникам. Прислушавшись, Тин-Фу понял, чего хочет старый почтенный слуга: он решил установить прямо перед воротами во двор прочную стену. Известно, что духи летают чрезвычайно стремительно, но двигаются они только по прямой. Если один из таких духов захочет покарать управляющего за его пристрастие и утащить под землю, он налетит на стену, ударится о нее и возвратится вспять, так что управляющий сможет жить (и пьянствовать) совершенно спокойно.

Посмеявшись над стариком, Тин-Фу ушел.

Господин Дэхай был назначен Вторым Советником по делам иероглифов при дворе Небесного Владыки, а это означало, что в его обязанность входило следить за иероглифами по всей столице и за ее пределами. У него имелся целый штат сотрудников, которые ходили по улицам и собирали клочки исписанной бумаги, которая была уже не нужна. Ибо сказано: «Письменность священна, и знающие письменность – священны». Ни в коем случае нельзя бросать исписанную бумагу в грязь. Некоторые считают, что это может привести к слепоте, хотя господин Дэхай в своих указах утверждал, что подобные святотатства бывают убиты громом. Он даже возил с собой урну, украшенную изображениями сплетенных между собой драконов, золотого и зеленого, и выставлял ее на видном месте везде, куда ни прибывал по

своим делам. В этой урне хранился прах одного вельможи, который совершил однажды ужасное злодеяние. Однажды он получил письмо от своей матери, которая в немногих словах выражала свои нежные чувства к отпрыску и выказывала озабоченность распутным образом жизни, который тот ведет в столичном городе, вдали от родительского пригляда. Прочитав это письмо, молодой вельможа так разгневался, что бросил бумагу в грязь, наступил на нее сапогом и разорвал, не прикасаясь к ней руками. И тотчас с неба сошел огонь, послышался громовой раскат – и вот от молодого человека осталась лишь кучка дымящегося пепла.

Несколько благочестивых слуг собрали этот пепел в урну, и теперь она передается от одного Советника по делам иероглифов к другому – в знак назидания и наглядного примера того, как не следует относиться к иероглифам и исписанной бумаге.

Подчиненные Советника подбирали любые клочки, даже самые ничтожные, если на них виднелись следы иероглифов, и складывали их в специальные корзины.

Один раз на Новолуние, по улицам шествовала особая процессия в сопровождении музыкантов. Слуги, одетые в черные одежды с большим вышитым иероглифом на спине, несли большие корзины с пеплом от сожженной бумаги. Они доходили до реки, в которую опускали этот пепел при громком пении красивых похоронных гимнов, и темные воды реки расступались, оттуда высовывались черные пальцы Речной Богини, которая бережно принимала пепел и уносила его в глубину. Лишь пепел от нечестивых писаний (а имелись и такие) плыл дальше по поверхности реки, чтобы затем осесть на берегах грязноватой пеной и исчезнуть в безднах земли, не оскверняя речных глубин.

Затем собравшиеся посмотреть на процессию – а таких всегда находилось очень много – слушали Наставления о сохранении иероглифов. Их зачитывал особый глашатай, одетый также в черное, – освещенные факелом, видны были только кисти его рук и лицо, а все прочее терялось во мраке:

– Тот, кто готовится собирать, очищать и сжигать бумагу с написанными иероглифами, будет обладать тысячью добродетелями и продлит себе жизнь на двенадцать зим! – возглашал этот человек, и, судя по самодовольной улыбке, блуждавшей по его лицу, он ощущал внутри себя всю тысячу добродетелей, каждая из которых напоминала по вкусу сладкий пирог. – Очищающий бумагу станет почитаемым и богатым! Его дети и внуки будут добродетельными! Тот, кто будет разрезать бумагу с написанными на ней иероглифами на полоски и раздавать населению для защиты от злых духов, тот приобретет пятьсот добродетелей и будет любим без порицания!

Тин-Фу, который участвовал в подобном ритуале впервые, слушал этот перечень не без удивления. Он тоже был приучен относиться к слову с почтением, особенно к написанному, но увиденное в городе Небесных Владык его поразило. Назначение господина Дэхая было по-настоящему важным, если принимать все, что здесь происходило, всерьез.

Глашатай перешел к более низким добродетелям, связанным с бумагой. Голос его зазвучал тише и сделался менее торжественным, более сердечным. Совершенно очевидно, что теперь он говорил о вещах, доступных практически каждому из слушающих:

– Тот, кто будет запрещать кому-либо уничтожать грязную бумагу с написанными иероглифами, приобретет пятнадцать добродетелей и станет преуспевающим и разумным человеком.

«Странно, – подумал Тин-Фу, – ведь запретить кому-либо что-либо сделать куда труднее, чем не сделать или сделать это самому... А добродетелей меньше. Впрочем, в жизни всегда так. Завтра нужно будет рассказать господину Дэхая притчу на эту тему...»

Тем временем голос глашатая изменился еще раз. Теперь он гремел гневно. Глаза метали молнии в собравшихся. Не оставалось никаких сомнений – вот теперь он имел в виду не себя и своих братьев, но тех, кто топтался перед ним на берегу медленно текущей реки:

– Тот, кто будет произвольно сжигать бумагу с написанными иероглифами, пострадает от десяти пороков и десяти заболеваний! Тот, кто будет в гневе бросать на землю бумагу с написанными иероглифами, пострадает от пяти пороков и утратит разум! Тот, кто будет

бросать бумагу в грязную воду, будет наделен двадцатью пороками и постоянно страдать от болезней глаз!

Толпа внимала и, казалось, испытывала неподдельное удовольствие от собственного страха. Это удивляло Тин-Фу. Впрочем, как говорил ему учитель, один человек никогда не устает удивлять другого.

А глашатай замолчал ненадолго, после чего принялся яростно размахивать вокруг себя ревущим факелом:

– Вон! Все убирайтесь отсюда вон, жалкие нечестивцы! Священная река не желает видеть вас на своих берегах!

И люди начали разбегаться, исчезая в темноте по одному.

Одним из увлечений господина Дэхая было разведение золотых рыбок. В прудах в его дворце плавало множество крошечных очаровательных созданий. Одни были красноватые, другие – почти желтые, встречались и белые с коричневыми пятнами на боках. Поначалу Тин-Фу считал, как и все, что это увлечение было лишь прихотью богатого и знатного вельможи.

Но один случай полностью изменил его представление об этом.

Управляющий дома господина Дэхая не оставлял мысли отомстить новому слуге. Ради этого он входил в дружбу с такими низкими людьми, как конюхи, убиральщики, мойщики посуды. Всем им он нашепывал, что Тин-Фу слишком чванится своей украденной мудростью, которую он похитил у своего прежнего наставника. «Он оставил беднягу ни с чем! – уверял управляющий, и низшие слуги слушали его с полным доверием. – Этот бедный бывший мудрец теперь совершенно нищ! Ни одной мысли не приходит в его голову, ни одна идея больше не посещает его разум. Лишь беды, пороки и болезни преследуют его по пятам с тех самых пор, как Тин-Фу украл его мудрость!»

С некоторых пор Тин-Фу стал находить в своей одежде насекомых, а в миске с лапшой и супом – грязь и камушки, о которые легко сломать зубы. Однако он решил не придавать этому значения. Скоро он подберется к тайне покойных родителей, завладеет ею – и тогда сможет в полной мере отомстить кровному врагу своей семьи.

И вот настал день, когда управляющий зашел в своей злобе слишком далеко. Он выловил из бассейнов несколько рыбок и подложил их в миску к Тин-Фу. Во время трапезы господин Дэхай призвал Тин-Фу и повелел развлекать себя забавными рассказами, покуда он сам наслаждается пищей.

Тин-Фу сказал:

– Одна рыба не верила в бессмертие и перерождение душ. Она была так упряма, что не слушала наставления других рыб, которые были старше, опытнее и мясистее, чем она.

– Какая же это была рыбка? – спросил господин Дэхай, поливая рис соусом и заранее посмеиваясь.

– Золотая рыбка, вроде тех, что плавают в прудах посреди садов моего господина, – невозмутимо ответил Тин-Фу. – Она была легкомысленной, потому что у нее вырос длинный прозрачный хвост. Общеизвестно, что рыбки с такими хвостами уподобляются красивым женщинам и становятся чрезвычайно легкомысленными... Об этом можно прочитать в летописях, – добавил он.

– В каких? – удивился господин Дэхай.

– В летописях рыбьих царств, разумеется, – с самым серьезным видом отвечал Тин-Фу. – Итак, наша рыбка не верила в переселение душ и упорствовала в своем убеждении. Наконец, ее выловили из пруда и отправили в кастрюлю с супом. И что же? Плавая среди овощей и вареной лапши, она ворчала: «До чего же отвратительные водоросли в этой проклятой луже!»

Господин Дэхай посмеялся, отодвинув от себя миску, а затем спросил, желая продолжить шутку:

– Откуда же тебе известна эта история?

Мне рассказали ее другие рыбы, – сказал Тин-Фу. – Когда сегодня утром я гулял в

садах моего господина.

– Неужели одна из моих рыб попала в суп? – нахмурился господин Дэхай.

– Да, – сказал Тин-Фу, перестав улыбаться. – Кто-то из ваших слуг выловил ее и подсунул мне в миску, даже не сварив хорошенько.

Господин Дэхай вскочил. Лицо его побагровело от ярости.

– Кто это сделал? – спросил он. – Разве не ты сам – любитель лакомиться рыбой?

– Я люблю рыбу в похлебке, но я этого не делал, – сказал Тин-Фу. – Потому что если бы я осмелился употребить в пищу одну из золотых рыбок моего повелителя, я сперва сварил бы ее; а тот, кто подсунул мне бедняжку в похлебку, даже не потрудился этого сделать, так что я съел ее сырой.

– Отвратительно! – закричал господин Дэхай. – Я не желаю больше слушать!... Или... нет. Скажи, кого ты подозреваешь в совершении этого преступления?

– У меня и в мыслях нет подозревать кого-либо из преданнейших слуг моего господина, – ответил Тин-Фу. – Меня лишь огорчает огорчение моего господина. И я не хочу, чтобы господин считал меня причиной этого.

– Перестань путать меня своими мудрыми речами! – сказал Дэхай. – Я знаю, что вся твоя мудрость – краденая!

– Это правда, – согласился Тин-Фу.

– Я должен немедленно осмотреть моих рыбок, – объявил господин Дэхай. – Ты пойдешь со мной. Если случится так, что ты проглотил одну из самых ценных моих рыбок, я отрублю тебе голову.

– Но ведь я сделал это не нарочно! – возразил Тин-Фу.

– Ты будешь наказан! – отрезал Дэхай. – Мне нет дела до того, почему ты это сделал и кто на самом деле виновен в твоём преступлении.

– Мы все виновны в преступлениях друг друга, – согласился Тин-Фу.

Дэхай с подозрением покосился на своего «придворного мудреца», но тот замолчал и больше не произнес ни слова.

Они вместе начали обходить пруды. Управляющий вместе с несколькими своими приспешниками следил за господином Дэхаем и Тин-Фу. Они замерли, надеясь на то, что им удалось нанести Дэхаю удар достаточно чувствительный, чтобы тот, разгневавшись, уничтожил выскочку и изгнал его из дома.

Однако Дэхай перевел дыхание с облегчением.

– Все самые ценные рыбы целы и невредимы! Молись духам своих предков, Тин-Фу, ибо они уберегли тебя от страшной участи!

Тин-Фу склонился перед господином Дэхаем и только тогда решился спросить его:

– Но чем же ценны те рыбки, что сохранились? Уверяю вас, мой господин, что та бедняжка, которой я откусил голову – по злодейскому умыслу каких-то тайных недоброжелателей – была весьма хороша собой, с ровной красноватой чешуей.

– Ценны не красные рыбки и не золотые, – отвечал, отдуваясь, Дэхай, – но те, что несут на своей чешуе некоторые знаки, напоминающие иероглифы... – Он осекся, как человек, который внезапно сообразил, что разоткровенничался и зашел слишком далеко, а затем проговорил совершенно другим тоном: – Я как хранитель иероглифов обязан следить за такими вещами.

Однако Тин-Фу понял, что господин Дэхай заботился совершенно о другом.

* * *

Пользуясь случаем, Тин-Фу заглядывал в господские комнаты. Иногда он якобы искал какой-нибудь свиток, в другой раз его как будто интересовала некая одежда, забытая им или его господином. И всякий раз он ухитрялся осмотреть одну из комнат обширного жилища господина Дэхая. Ему повезло только на пятый раз. Недаром говорят, что пять – счастлиное

число! В одной из гардеробных стоял небольшой ларец с изображениями львов по четырем углам. Быстро заглянув внутрь, Тин-Фу увидел, что в ларце хранится маленькая нефритовая рыбка с иероглифами, вырезанными на искусно сделанной чешуе. Точнее, эти знаки напоминали иероглифы, потому что они не складывались ни в какое из известных Тин-Фу слов. Вероятнее всего, это было некое заклинание. Настолько важное, что некий мастер вырезал его на чешуе нефритовой рыбки, а важный вельможа поместил в ларец...

Тин-Фу внимательно осмотрел ларец. Это была очень старая вещь. Бродячий мудрец провел ногтями по стыкам между досочками, а затем поднес ногти к глазам. Да, он увидел то, что ожидал: ногти почернели от земли! Эта вещь долго хранилась, закопанная в землю. И хотя ее тщательно очистили и отмыли прежде, чем поместить в эти роскошные покои, частички почвы сохранились в почти незаметных щелках.

Жаркая волна захлестнула Тин-Фу. Не тот ли это ларец, что хранился закопанным в земляной пол, в убогой хижине его несчастных родителей? Не то ли это сокровище, за которым охотился господин Дэхай?

Он забрал нефритовую рыбку и быстро выскользнул из покоев.

Ему предстояло совершить несколько важных поступков. Следовало собраться с силами и хорошо все продумать, иначе его постигнет неудача, и смерть его будет так ужасна, что, умирая, он позавидует демонам, поедающим собственные внутренности.

Для начала Тин-Фу утащил большой медный кувшин с плотной крышкой. Эта пропажа осталась незамеченной – кухарка почти не пользовалась кувшином, находя его слишком некрасивым и неудобным. В доме господина Дэхая полагали, что пищу следует готовить используя лишь красивые вещи, дабы их изящество передавалось блюдам и превращалось в изысканный вкус.

Затем он выловил несколько пестрых рыбок, украшенных узором, отдаленно напоминающим тот, что имелся у нефритовой рыбки.

И наконец Тин-Фу угнал самого быстрого скакуна из конюшни своего господина. С кувшином, в котором плавали рыбки, с нефритовым талисманом за пазухой, на прекрасном коне, он неся по бескрайним кхитайским степям, плутая и запутывая следы.

За ним была погоня. Сразу десяток слуг господина Дэхая преследовали дерзкого вора. Сам господин Дэхай с обильным кровотечением из носа лежал в глубине своих покоев на прохладных шелковых подушках, а две наложницы курили перед ним порошок черного лотоса, выпуская изо рта узорные дымы, представляющие различных животных.

Тин-Фу недаром был пастухом и обучался у мудреца – он ушел от погони. Один за другим возвращались в столицу сконфуженные слуги. Самые дальновидные предпочли скрыться в лесах, потому что господин Дэхай отправил всех остальных в водную тюрьму.

* * *

Настал день, когда Тин-Фу достиг старого домика из стеблей бамбука. Здесь он некогда жил со своим наставником и внимал его мудрым поучениям. Завидев издали это хрупкое строение, притулившееся на склоне горы, Тин-Фу внезапно постиг, что отныне эта гора больше не считается безымянной, но носит название горы Размышлений. Это понимание наполнило его радостью, и он погнал вперед коня.

Затем, когда подъем стал слишком крутым, Тин-Фу спешился и повел коня в поводу, а возле порога хижины снял с него седло и узду и, похлопав животное по шее, сказал:

– Беги прочь, прекрасный конь, ибо ты отныне свободен!

И конь, заржав, поспешил воспользоваться своей свободой.

Мудрец находился в хижине. Он слабо дышал, но, завидев вернувшегося ученика, успел ему улыбнуться.

– Нашел ли ты то, что искал? – спросил наставник.

– Да! – воскликнул Тин-Фу.

– Очень хорошо, – сказал наставник и скончался.

2

Варвар в пагоде

Дружба с кхитайцем может далеко завести, – сказал Конан и огляделся по сторонам.

Со старым своим приятелем Тьянь-По он сидел в саду и угощался. Впрочем, эту пищу иначе, чем кошмарной, киммериец назвать не мог: белый рис почти без соли, какая-то черноватая жижа («соус», как ему пояснили) и сырая рыба, нарезанная ломтиками толщиной с бумагу.

– Коровьей ляжки, конечно, нет? – на всякий случай спросил Конан.

Маленький ученый кхитаец тихонько посмеялся.

– Наша еда тоже сытная, – сказал он. – Надо только привыкнуть.

На загорелом лице варвара отразился неподдельный ужас, и Тьянь-По засмеялся громче.

– Не вижу ничего смешного! – объявил Конан. – Ты – злобная кхитайская обезьяна. Впрочем, я рад тебя видеть, Тьянь-По.

– Я тоже, – отозвался кхитаец, становясь серьезным.

– Сказать по правде, я забрел так далеко по одному важному делу... – начал Конан и остановился, заметив, каким внимательным сделался взгляд его приятеля. Варвар насторожился: – Что?

– Ничего, – заверил Тьянь-По. – Ты всегда чем-то занят, Конан.

– Это правда, – он самодовольно хмыкнул и тут же погрустнел. – Деньги исчезают из моих кошельков быстрее, чем если бы их украли. И самое обидное – это я сам их у себя ворую!

– Ты их тратишь, – успокаивающе проговорил Тьянь-По. – На себя.

– На женщин и разные глупости, которые на первый взгляд кажутся вполне достойными моего внимания, – вздохнул Конан едва ли не с раскаянием. – Иногда я скучаю по ним.

– По кому? – не понял кхитаец.

– По деньгам! И тогда снова пускаюсь в приключения. Вот и сейчас... Мне предложили привезти из Кхитая живую птицу Феникс. Обещали хорошо заплатить.

– Кто? – спросил Тьянь-По.

– Солидный человек. И очень богатый. Первый министр при султанапурском дворе.

– Интриги! – Тьянь-По нахмурился. – Все-таки ты варвар.

Конан не на шутку обиделся.

– По-твоему, я не разбираюсь в интригах?

Маленький кхитаец быстро покачал головой,

– Совершенно! Султанапурский министр выражался иносказательно, но ты не догадался, о чем он говорит. Думаешь, он отправил тебя в безобидную экспедицию по ловле забавных и диковинных животных?

– Однажды я поймал диковинное животное! – сообщил Конан. – Называется «ип-туип»! Свистит презабавно, а лопают зерно и фрукты.

– Птица? – не понял кхитаец.

– Нет, пушистый зверек такой... Как-нибудь расскажу. Это была удивительная

экспедиция. Попутно уничтожил чудовище в женском облике по прозвищу Красная Гиена. Но это так, между делом. Главное – ловля пушистого зверька.

– В случае с фениксом ты никакого зверька не найдешь, – предупредил кхитаец. – Султанапурец имел в виду похищение одной из жен Небесного Владыки.

– Что? – Конан поперхнулся и почувствовал, как зернышко риса попало ему в дыхательное горло. Несколько мгновений варвар оглушительно кашлял, затем, весь красный, пробормотал: – Объясни!

– Фениксом в Кхитае называют императрицу, – сказал Тянь-По, посмеиваясь, по обыкновению, в длинные тонкие усы. – В Султанапуре затевают какую-то сложную игру. Видимо, нечто связанное с продажами шелка и бумаги. В опасную игру затеял играть министр, если подсылает человека похитить важную персону! Пахнет войной...

Конан сердито схватил кувшин и выхлебал почти половину его содержимого. Тянь-По схватился за голову:

– Это нельзя пить так! Это не вино! Тебе будет дурно!

– Водичка, – фыркнул Конан, и тут у него перед глазами все поплыло, а лоб схватило так, словно какой-то невидимый палач перетянул его веревкой. – Что это? – выдавил он с трудом. Глаза его полезли на лоб, рот непроизвольно раскрылся.

– Рисовая водка, – маленький кхитаец выглядел искренне огорченным. – Я же угощал тебя в прошлый раз, когда ты учил моих учеников раздумьям о человеческом пути!

– Забыл, – прохрипел Конан. – Буду я еще помнить всякие мелкие подробности про эту вашу... рисовую...

Он хватал ртом воздух и тяжело вздыхал. Тянь-По вскочил с места и засуетился рядом, то просовывая маленькие прохладные ладони ему под рубашу, то прикладывая пальцы к вискам варвара. Наконец боль отпустила, и Конан перевел дух. Его могучая грудь поднялась и опустилась, как кузнечный мех.

– Уф! – вскричал Конан. – Блаженство! Теперь я понял, для чего вы пьете эту гадость!

– Надеюсь, ты отказался от мысли похищать Феникса? – осторожно осведомился Тянь-По.

– Проклятый министр еще намекал, мол, только такому великому вору, как я, это под силу... – вспоминал Конан, мрачней.

– Как вообще вышло, что министр завел с тобой подобные речи? – не переставал удивляться Тянь-По.

– Ну... Возможно, я находился в тюрьме... В Султанапуре, – нехотя пояснил Конан. – Я только предполагаю это, учти. Это... как там ты учишь своих учеников?

– Неважно, – Тянь-По быстро махнул рукой.

– Ну вот... Он захотел меня видеть. Я, возможно, утащил нечто... очень ценное. И пропил это. За одну ночь. Министр был поражен моими способностями. Он поил меня ВИНОМ, – Конан особенно подчеркнул последнее слово и глянул на своего приятеля с Легкой укоризной, – угощал виноградом и МЯСОМ, – еще один недовольный взгляд, – а после завел речь о Фениксе...

– Может быть, я не угощаю тебя ВИНОМ и МЯСОМ, – парировал Тянь-По, – но и на верную погибель не посылаю. Впрочем, если тебе хочется чем-то занять время, могу предложить тебе кое-что занятное. И как раз связанное со зверюшками, коль скоро ты у нас такой великий охотник на пушистых зверьков.

– О, – сказал Конан и начал ковырять в зубах.

– Да, – продолжал кхитаец. – Правда, это нечто мокрое и скользкое.

– Змея или министр? – уточнил Конан.

– Рыбки, – сказал кхитаец.

Наступила тишина, и собеседники слышали, как где-то в густой листве верещат обезьянки.

– Зачем тебе, Тянь-По, какие-то рыбки? – спросил наконец Конан, решив, видимо, выяснить, уж не сошел ли с ума его собеседник.

– Я тебе расскажу всю историю, – обещал Тянь-По, – а ты уж решишь, стоят ли эти существа нашего внимания.

В двух днях пути отсюда есть гора, которую называют горой Размышлений. На ее склоне находится пагода, выстроенная мудрецом и колдуном по имени Тин-Фу. Он очень стар, этот Тин-Фу. Никто не знает, сколько ему зим. О нем рассказывают разные чудеса. Я и сам рассказываю о нем одну притчу. Весьма поучительную. Все мои ученики знают ее. Хочешь услышать?

– Если она имеет отношение к делу, – проворчал Конан.

– Собственно, в ней и заключается наше с тобой дело, – заверил приятеля Тянь-По. – Слушай.

Жил некогда человек, у которого имелся кровный враг. Человек этот был молод, беден и неизвестен, а враг его был, напротив, богат и знатен и занимал важный пост при дворе Небесного Владыки.

– Давай сразу с именами, чтобы я потом не запутался, – попросил Конан.

– Имена здесь не важны, – заверил его кхитаец. – Не перебивай. Долго думал молодой человек, как отомстить кровному врагу.

– Убить – и нечего думать! – фыркнул варвар. – Вы, кхитайцы, вечно разводите церемонии.

– Убить его было очень непросто, ибо он жил в роскошном доме, окруженный множеством слуг и охраны. Кроме того, как я уже сказал, его хорошо знали при дворе Небесного Владыки. Поэтому молодой человек поступил иначе. Он похитил у своего врага нечто очень ценное, а затем скрылся.

– Так, так, – Конан заметно оживился, – кажется, мы подходим к сути нашей задачи.

– Именно, – кивнул Тянь-По. Он уже смирился с тем, что киммериец непрерывно его перебивает. – Это были золотые рыбки.

– Из золота?

– Нет, живые золотые рыбки.

– Я тебе в любой луже этих рыб наловлю хоть ведро, – сказал Конан и насупился. – Ты за дурака меня держишь, Тянь-По?

– Никогда! – заверил его кхитаец. – Я не настолько глуп, чтобы считать дураком человека с такими кулачищами, как у тебя, любезный Конан!

Конан счел за лучшее промолчать. Кхитаец продолжал:

– Узор на чешуе этих рыбок напоминает некий иероглиф. На самом деле это – заклинание, и тот, кто завладеет такой рыбкой и прочтает заклинание, тот исполнит любое свое желание. По одному на рыбку.

– А она, что ли, от этого дохнет? – опять уточнил Конан.

– Не знаю, – отмахнулся Тянь-По. – Я еще не пробовал. Итак, наш молодой человек выкрал несколько рыбок и нефритовое изображение, на котором был вырезан заветный значок. Теперь ему предстояло выводить рыбок – до тех пор, пока он не добьется нужного узора на их чешуе. А это занятие, требующее времени. Нужно скрещивать определенные виды рыбок, отбирать самое удачное потомство, опять скрещивать...

Шли зимы. Наш молодой человек старел. Он не оставлял надежды вывести нужную разновидность рыбок и с их помощью отомстить своему врагу. Зиму за зимой он повторял свои опыты. Зиму за зимой терпел неудачу, но не оставлял работы... И вот наконец он узнал, что его кровный враг умер.

«Я потратил почти целую жизнь на то, чтобы услышать эту весть! – воскликнул он, когда ему сообщили об этой смерти. – И вот я добился своего!"

– Не понимаю, – сказал Конан. – Можно получить удовлетворение, отправив в Серые страны своего врага лично, собственными руками перерезав его горло. Но прожить жизнь в ожидании, пока он умрет... Не понимаю!

– Он поступил как настоящий мудрец, – пояснил Тянь-По. – Настоящий мудрец никогда не будет мстить лично. Нет, он сядет у реки и будет ждать, пока воды пронесут

мимо него труп его врага. Так и случилось с нашим бывшим молодым человеком. И когда он осознал это, он осознал также, что сделался мудрецом. Он перестал быть мстителем.

Поэтому он построил пагоду на склоне горы Размышлений. Затем обзавелся стражей, потому что тотчас нашлось немало охотников обокрасть его пагоду.

— А там есть что красть? — хищно поинтересовался Конан и зачерпнул горстью рис. От любопытства у него разыгрался аппетит, и он готов был теперь поглощать даже этот безвкусный, похожий на резаную бумагу рис.

Тьянь-По энергично покивал головой, сделавшись похожим на фарфоровую игрушку.

— О, да! Поверь мне. Тин-Фу...

— Кто это? — перебил Конан.

— Настало время для имен, — объявил Тьянь-По. — Мудреца с горы Размышлений зовут Тин-Фу. Он накопил некоторые богатства, из которых самым великим являются золотые рыбки с иероглифом желаний на чешуе. Они хранятся в пагоде, в большом хрустальном шаре, наполненном водой.

— Их там много? — спросил Конан.

— По слухам, три, но может быть и больше, — сказал кхитаец.

— Ты предлагаешь мне украсть их?

— Разумеется! — Тьянь-По прищурился. — Во-первых, так мы будем уверены в том, что никто не загадает недостойного желания и не вынудит рыбку исполнить его.

— Какие желания ты считаешь недостойными? — осведомился Конан. И добавил поспешно: — Мне просто интересно.

— Человек может пожелать другому смерти. Может захотеть кого-нибудь обокрасть так, чтобы об этом не узнали. Или вызвать землетрясение в соседнем королевстве. Да мало ли скверных мыслей водится у людей! А мы с тобой ничего подобного не пожелаем. Немного достатка, чуть больше соображения и усердия для нерадивых и тупых учеников... Ну, может быть, изящная девушка для досуга... И много-много-много... — Тут глаза Тьянь-По загорелись огнем поистине дьявольским, так что Конан даже насторожился.

— Чего много? — уточнил он, потому что друг его впал в мечтательную полудрему.

— А? Много-много отличной плотной бумаги! — сказал каллиграф. — Я мечтаю об этом уже не первую зиму. Я обожаю хорошую плотную бумагу с прелестной шероховатостью, созданную для того, чтобы впитывать в себя чернила подобно тому, как земля впитывает влагу дождя...

— Ладно, — сказал Конан, оставив свои желания при себе, — я помогу тебе утащить этих рыбешек.

Только мне потребуется помощь.

* * *

Одного из доверенных учеников Тьянь-По звали Гун, а другого — Инь-Тай. Оба явились на зов учителя и склонились перед ним в поклоне. Конан с интересом рассматривал своих будущих помощников.

Гун был невысок, толст, но, несмотря на свои жиры, весьма подвижен. У него было круглое лицо с множеством подбородков и маленькие, заплывшие глазки. Он напомнил Конану кхитайского божка счастья, из тех, что продают на улицах торговли амулетами.

Инь-Тай представлял полную противоположность своему товарищу: тощий, верткий, как ящерица, с плоским, перебитым носом, который свистел при каждом вдохе.

— Они выглядят так, словно тот парень съедает всю еду у этого, — заметил Конан.

— На самом деле все обстоит ровно наоборот, — засмеялся Тьянь-По. — Толстяк ест очень мало, а тощий лопают за троих.

— Учту, — сказал Конан.

Тьянь-По обратился к своим ученикам:

– Перед вами – великий учитель Конан. Он из Киммерии. Он владеет мудростями различных стран и умеет сочетать несочетаемое. Вам предстоит отправиться с ним на гору Размышлений. Там вы вступите в схватку со стражниками горы Размышлений и победите их в честном бою. Если вам придется для этого применять нечестные приемы, не спрашивайте особого разрешения у учителя Конана. Просто применяйте их! Учитель Конан должен забрать у Тин-Фу хрустальный шар. Если учитель Конан случайно погибнет, хрустальный шар должен забрать один из вас.

Конан метнул на своего приятеля сердитый взгляд. «Случайно погибнет»? Этого только не доставало. Неужели Тянь-По совершенно в него не верит?

Маленький кхитаец шепнул ему на ухо, словно угадав, какие мысли тревожат киммерийца:

– Это я нарочно сказал. Чтобы они ощущали всю глубину своей ответственности.

Конан нахмурился еще больше, но промолчал. Он давно понял, что его споры с ученым кхитайским каллиграфом чудодейственным образом неизменно заходят в тупик.

– До горы Размышлений – два дня пути, – продолжал Тянь-По. – Вы отправляетесь пешком. Гун возьмет с собой съестные припасы. Инь-Тай – воду и одеяла. Учитель Конан пойдет налегке. Ему предстоит думать, а это достаточно тяжелый груз для одного человека.

Кхитаец хлопнул в ладоши.

– Отправляйтесь!

Ученики снова поклонились ему и разбежались.

– Ну вот и все, – сказал Тянь-По, улыбаясь Конану. – Теперь они в полном твоём распоряжении. Надеюсь, ты их не угробишь. Они неплохие ребята и умеют работать в команде. Выполняют приказы, не задумываясь, но потом всегда спрашивают о смысле содеянного. Это правильный взгляд на жизнь, пока человек учится.

– Как все сложно! – сказал Конан.

Они отправлялись в путь пешком. Все трое неплохо бегали, так что долгая дорога никого не смущала. Гора Размышлений все время была видна впереди, погруженная в дымку бледно-фиолетового тумана. К вечеру первого дня солнце коснулось ее багровыми лучами, на миг облив всю удивительным розовым светом, а затем зашло за вершину. Туман стал гуще, трава под ногами покрылась влагой. Равнина, расстилавшаяся перед путниками, как будто отдыхала после долгого дня.

– Учитель Конан, – заговорил Гун, – сейчас время для вечерней медитации и сна.

– Для ужина, – добавил Инь-Тай. – Учитель Тянь-По всегда созывал нас на ужин, когда солнце притрагивалось лучами к вершине горы Размышлений.

– Не будем нарушать того, что заведено учителем Тянь-По, – согласился Конан, который и сам был не прочь передохнуть и закусить.

Насчет своих учеников Тянь-По оказался совершенно прав: они действительно слаженно работали в команде. Пока один расстилал одеяла, другой сноровисто готовил ужин: расставлял крохотные плоские глиняные тарелки, раскладывал по ним хлебцы, соленую рыбку и какую-то зелень, выловленную из моря и вымоченную в уксусе. Конан поглядывал на эту трапезу с большим сомнением, а Инь-Тай просто истекал слюной. Мудрость Тянь-По проявилась также в том, что все съестные припасы он доверил Гуну. Поглядывая на Инь-Тая, Конан начал не на шутку опасаться: как бы прожорливый ученик не отгрыз у него во сне ляжку. Киммериец впервые в жизни видел человека, который постоянно испытывает голод.

Наконец трапеза, превратившаяся для Конана в настоящее испытание, была позади. Все зеленые водоросли съедены, тарелки облизаны и вытерты пучком травы, хлебцы поглощены до последней крошки. Путники расстелили одеяла.

– Учитель Конан, – сквозь сон услышал киммериец, – разве вы не будете медитировать?

– Настоящий учитель всегда медитирует, – ответил Конан, почти не просыпаясь. – Даже во сне.

И громко захрапел.

* * *

Пагода на склоне выглядела удивительно красивой. И деревья рядом с ней росли так, словно нарочно желали подчеркнуть ее изумительную архитектуру с изогнутыми крышами, колокольчиками, резьбой, драконами-водостоками и фениксом на крыше. Притаившись в зарослях, Конан со своими помощниками наблюдал за пагодой.

По мнению обоих учеников, следить было не за чем: возле пагоды ничего не происходило. Деревья мирно шелестели листвой, птицы изредка перелетали с ветки на ветку. Было очень тихо. Позванивали на ветру колокольчики, но скоро и ветер улегся.

Так продолжалось довольно долго. Ученики начали уставать от бездействия и скучать, однако нарушить приказ учителя не решались. А Конан с истинно варварским терпением продолжал таиться и смотреть.

Наконец его усилия были вознаграждены: на ступенях показались два человека, одетые в длинные халаты ярко-синего цвета. Вышивка желтым шелком на спине изображала рыбку с длинным пышным хвостом. Они остановились, обменялись двумя-тремя короткими фразами, затем один, усмехнувшись, куда-то ушел, а второй остался и обвел взглядом окрестности пагоды. У него был такой вид, словно эта гора и все, что находится на ее склоне, принадлежат лично ему.

– Двое, – пробормотал Конан. – Но их, возможно, больше...

– И нас двое, – быстро шепнул Инь-Тай. – Мы одолеем их, учитель!

– Если их двое, – повторил Конан, – а не больше... Я не хотел бы здесь никого убивать. Это означало бы нарушить красоту.

И сам удивился собственным словам. «Все это – влияние Тьянь-По, – подумал варвар сердито. – Я начинаю выражаться как он. Если я проведу в этой стране хотя бы несколько лун, то начну думать как кхитаец. А еще через зиму у меня сделаются раскосые глаза, и я уменьшусь в росте. Буду сухонький и жилистый... Ужас!"

– Учитель Тьянь-По сказал, что хрустальный шар находится где-то наверху пагоды, – напомнил Гун.

– Ты очень шумишь, – сказал ему Конан одними губами. – Ты большой.

– Вы больше, учитель Конан, – напомнил Гун.

– Учитель Конан больше ученика Гуна не только телом, но и духом, – заявил Конан. – Поэтому он умеет ждать и оставаться неподвижным.

В этот момент стражник, стоявший на ступеньках пагоды, перестал зевать и насторожился.

– Кто здесь? – проговорил он, вытягивая шею и глядя точнехонько в ту сторону, где за кустом прятались шпионы Тьянь-По.

Конан скроил угрожающую гримасу, которую его спутники совершенно верно истолковали как знак молчать и никак не комментировать случившееся.

Затем, по знаку Конана, оба ученика выскочили вперед и принялись за стражника. Первым же ударом Гуна он был опрокинут и покатился по ступенькам прямо под ноги к Инь-Таю. Быстрый и тощий, Инь-Тай подпрыгнул и приземлился обеими босыми пятками на поверженного врага. Он метил ему в голову, чтобы тот потерял сознание и не смог причинить неприятностей непрошеным гостям, однако промахнулся и угодил в бок. Босая ступня Инь-Тая налетела на выпирающую бедренную кость. Тонкий шелк халата отнюдь не смягчил удара. Оба противника одинаково взвыли от боли и сплелись в объятии. Стражник норовил придушить Инь-Тая, а тот, в свою очередь, старался угодить острым локтем тому под дых или в горло. Ни один не преуспел в своем намерении. Подумав, Конан неспешно вышел из своего укрытия и оглушил стражника аккуратным ударом кулака в висок.

Инь-Тай выбрался из-под своего соперника, поднялся на ноги и принялся кланяться

Конану:

– Благодарю, учитель Конан. Это было своевременно, а ведь сказано у древних мудрецов: «Своевременная помощь – драгоценность, в то время как опоздавшая – прокисшее молоко и тухлое мясо...»

– Еще у этих мудрецов сказано: «Поторопись, не то схлопочешь от того, кто только что спас твою никчемную жизнь!» – проворчал Конан. – Вперед! Нам нужно забраться на самый верх пагоды и вытащить оттуда хрустальный шар. Надеюсь, ты догадываешься, как это сделать.

Оба побежали вперед. Гун уже скрылся за резными деревянными колоннами пагоды, выкрашенными в темно-красный и золотой цвета.

Все трое оказались в маленьком помещении, со всех сторон открытом свежему воздуху. Колонны поддерживали низкий потолок. Балки в виде драконов, сплетенных хвостами, с позолоченными мордами и красными извивающимися усами, скрещивались над головами вошедших. У каждой из шестнадцати колонн на невысоких столиках стояли кувшины и пузатые круглые сосуды с какими-то веществами. Конан решил, что нет времени выяснять это. Если обитатель пагоды – настоящий колдун, то лучше не прикасаться к его имуществу.

В этот миг Инь-Тай споткнулся и рухнул на пол. Стараясь удержать равновесие, он взмахнул руками и задел кончиками пальцев один из столиков. В последнем усилии не повалиться, он уцепился за край столика.

Это оказалось роковой ошибкой: Столик покачнулся, и кувшин, стоявший на нем, опрокинулся. С оглушительным грохотом кувшин разлетелся на кусочки. Только тут Конан понял, что материал, из которого был сделан этот сосуд, – не глина, а камень. Алебастр или нефрит. Очень тонкая работа. Была.

Теперь весь пол оказался усеян острыми осколками, и, что еще хуже, залит содержимым кувшина. А содержал в себе кувшин, убитый неловким учеником, ничто иное, как масло.

Не успел Конан крикнуть: «Берегись!» и поделиться со своими спутниками последним открытием, как массивный Гун медленно разинул рот и протяжно, басовито заорал:

– А-а-а!...

Его толстые ноги поехали по маслу, расползаясь в стороны, и спустя миг Гун грянулся об пол. Инь-Тай попытался встать и снова упал.

Привлеченные шумом, сюда уже бежали стражники. Их оказалось не двое, а гораздо больше. Как и предполагал Конан. Впрочем, киммериец полагался на свою силу и длинный двуручный меч. Как ни гордятся кхитайцы своей борьбой, против меча им не устоять. Что бы там они ни говорили о чудо-бойцах, способных порвать мечника голыми руками, – киммериец отказывался верить в подобную нелепость.

Зарывав, как дикий зверь, Конан выдернул из ножен меч и ринулся в атаку.

И... неведомая сила притянула его к земле!

Конан обнаружил себя барахтающимся на полу среди учеников. Впрочем, и стражникам пришлось нелегко. Каждый раз, когда они пытались атаковать, их ноги отказывались слушаться и вели их совершенно не в ту сторону.

Повалилась небольшая каменная статуя, изображавшая божество неба, флегматичного голого толстяка, восседавшего на облаке и созерцавшего жировые складки на собственном животе. Голова божества откатилась в сторону и больно ударила Гуна под колено. Тот завопил, махнул кулаком, чтобы отразить атаку скользящего к нему стражника, но промахнулся мимо цели. Стражник проплыл дальше, не в силах удержаться на месте, и врезался в стену. Обрушился еще один сосуд. Новая порция масла щедро выплеснулась на пол.

Конан понял, что настала пора скрываться с места происшествия. Что бы там ни случилось дальше, незачем киммерийскому воину барахтаться в луже масла вместе с кучей вопящих кхитайцев.

Он осторожно поднялся на четвереньки и пополз к выходу.

– Учитель Конан! – возопил Гун. – Куда вы?

– Учитель удаляется для осмысления действия, – ответил Конан. – Ученик продолжает действовать. Истинная мудрость – в созерцании.

«Что я несу! – в ужасе подумал он. – Они поймут, что я удираю!»

Однако ученики приняли это объяснение без рассуждений и продолжили свою бесславную битву. Что касается Конана, то он поступил согласно старой воинской мудрости: отошел с поля проигранной битвы, чтобы обдумать, как быть с результатами неминуемого поражения и прийти на помощь тем, кого еще можно спасти.

Иными словами, киммериец спасся бегством и засел в чаще леса, покрывавшего склоны горы Размышлений, некогда дикой и лохматой.

* * *

Стайка разноцветных птиц заполнила воздух. Затем показался человек. Он шагал, окруженный птицами, и был похож на какое-то сказочное существо. Это был старик с длинной белой бородой и белоснежными волосами, заплетенными в косу. Просторный халат до пят, расшитый изображениями цветов и птиц, облекал его худое, но крепкое тело. Коричневое узкое лицо казалось почти черным в обрамлении сплошной белизны волос и пестроты светлой одежды. В руках старик держал только что срезанные живые цветы. Цветы были прикреплены к его плечам, локтям, они украшали его прическу и висели за ушами. Крохотные птички, щебеча, зависали над этими цветами, садились человеку на руки, осторожно касались клювиками его ушей и щек.

Завидев его, стражники прекратили барахтаться на масляном полу и застыли в почтительных позах. Точнее – в тех позах, какие им удалось принять при сложившихся обстоятельствах. Каждый из них в душе надеялся, что учитель вникнет в обстоятельства и не станет наказывать их слишком сурово.

Инь-Тай и Гун последовали примеру своих недавних противников. Они замерли и прижались лбами к доскам. Тин-Фу приблизился и несколько мгновений задумчиво созерцал открывшуюся ему картину.

Видимо, он находил ее достаточно забавной, потому что несколько раз улыбка появлялась на его лице. Затем он широко развел руками. Птицы взлетели в воздух, оглашая беседку шумным чириканьем.

– Так, – выговорил Тин-Фу, – кто решится объяснить мне, что здесь происходит?

Один из стражников приподнялся и заговорил:

– Господин учитель, эти двое решились войти в пагоду Размышлений, дабы украсть отсюда масло...

– Масло? – удивился Тин-Фу. – Для чего каким-то бродягам красть у меня масло?

– Должно быть, – вмешался другой, – они прослышали о том, что учитель хранит здесь в алебастровых сосудах благоуханное и душистое масло.

– Никто не ответил на мой вопрос, – повторил Тин-Фу, – для чего бродягам масло?

– Они проникли сюда, – сделал попытку третий стражник, – и разлили масло. Мы пытались задержать их, но сражение затянулось...

– В любом случае, они в наших руках, – заключил первый стражник. – И учитель может делать с ними все, что пожелает.

– С ними был еще третий, – добавил второй стражник. – Рослый, черноволосый тип. Гора мышц. Настоящая горная горилла!

– Горилла... – Тин-Фу ненадолго задумался. По его лицу медленно блуждала улыбка. Это была улыбка мудреца и созерцателя, который уже успел увидеть, как по реке мимо него проплывает труп его кровного врага.

Наконец некая мысль осенила Тин-Фу. Он хлопнул в ладоши.

– Немедленно поднимитесь и приведите беседку в порядок! Я не желаю видеть здесь все эти осколки! Пленников связать и оставить здесь, на моих глазах!

Это повеление было исполнено. Оба незадачливых ученика Тянь-По были скручены веревками и брошены на землю, к ногам Тин-Фу. Мудрец разглядывал их некоторое время, затем спросил:

– Кто вы?

– Мы не ответим тебе, великий учитель Тин-Фу! – выпалил Гун. – Потому что наш учитель, тоже великий человек, запрещает нам рассказывать о...

– Мы будем молчать! – добавил Инь-Тай.

– Кто был тот третий, которого видели с вами? – спросил Тин-Фу. И добавил угрожающе: – Учтите, если вы будете продолжать дерзить или упорствовать в своем молчании, я прикажу пытать вас! Я срежу с ваших ушей тонкие полоски кожи! Затем я надрежу ваши пятки и натру их солью! Я настрогаю тонким ножом ваши спины и бедра и оставлю вас лежать под палящим солнцем?

Пленники обменялись быстрыми взглядами. Наконец Инь-Тай сказал:

– Наш учитель ничего не говорил нам о том, что мы должны молчать насчет нашего спутника. Его зовут учитель Конан. Он обладает нечеловеческой мощью. Он сильнее горной гориллы, если вас это интересует. И он наделен чрезвычайной мудростью.

– Никогда не было учителя более образованного, – добавил Гун. – Если, конечно, не считать нашего первого и главного учителя. И вас, господин, – заключил он после короткой паузы. На всякий случай.

К его удивлению, великий учитель Тин-Фу самодовольно улыбнулся, из чего Гун сделал совершенно правильный вывод: Тин-Фу до сих пор подвержен некоторым слабостям, вроде тщеславия, и, следовательно, не достиг надлежащего просветления. Это давало определенную надежду пленникам. С человеком, достигшим просветления, трудно иметь дело. У него нет слабостей, которыми можно было бы воспользоваться.

Плохо одно; у пленников совершенно не было времени. И пока они раздумывали над тем, как им выбраться из своего затруднительного положения, не нарушив при этом ни одного из запретов учителя Тянь-По, колдун и мудрец Тин-Фу успел принять собственное решение.

– Коль скоро вы оказались в моей власти, захваченные на месте преступления, во время вторжения в мой дом, – объявил он, – я воспользуюсь моим правом сильного.

И удалился, оставив обоих пленников недоумевать – какую же участь он им уготовил.

* * *

Конан ворвался в домик Тянь-По, расположенный на окраине города Пу-И, в тенистом саду. Варвар был верхом на совершенно замученной косматой лошадке. Эти животные, хоть и славные своей выносливостью, совершенно не приспособлены к тому, чтобы возить на себе тяжелых киммерийских варваров. Да еще на большие расстояния. Да еще с такой скоростью. Конан проделал весь путь верхом на угнанной лошади меньше чем за день. Он ехал всю ночь и на рассвете уже потревожил мирный сон своего давнего приятеля-мудреца.

– Сперва лошадь, – проворчал Конан, – она оказалась надежнее и вернее иных людей. Так что для начала я займусь ею.

Лошадку вели по саду, дав ей успокоить дыхание. Тянь-По взялся сам чистить ее, называя при том «Верным Облаком» и «Прекрасной из Преданных». Лошадка дергала ушами и косила глазами. По всему было видно, что прозвища ей нравятся.

– Вы, кхитайцы, всегда держитесь так, словно у вас впереди вечность, – сказал Конан. – Ты так и не спросишь, почему я вернулся один?

– Зачем спрашивать о том, что рвется у собеседника с языка? – осведомился Тянь-По. – Я вижу, ты готов рассказать мне сам, без всяких вопросов.

Конан махнул рукой.

– Оба этих болвана попались колдуну. Теперь он, вероятно, поджаривает их на вертеле. Меня видели его стражники, но я успел удрать.

– Интересно, – сказал Тянь-По. – Ты не вступил с ним в схватку?

Конан поморщился.

– Мне пришлось бы убить с десяток человек. Кровь и трупы нарушили бы неповторимую гармонию пагоды на горе Размышлений.

Тянь-По засмеялся.

– Я знаю, что гармония не имеет для тебя никакого значения, Конан! Передо мной можешь не притворяться «великим учителем».

– Ну да, – проворчал Конан, ничуть не смутившись, – я не хотел там никого убивать. Я ненавижу колдунов, ты это знаешь, но этот Тин-Фу не производит впечатления настоящего колдуна. Просто старик, который много знает. Я встречал таких. Вы, умеющие рисовать замысловатые каракули на бумаге, полагаете, будто варвару только того и надобно – размахнуться пошире да срубить кому-нибудь голову...

Тянь-По отвел глаза. Он не хотел говорить своему другу, что тот, в принципе, угадал.

А Конан продолжал:

– Украсть золотых рыбок, умеющих исполнять желания, – дело по мне. А резать дураков, поскользнувшихся на разлитом масле, – нет уж, уволь. Я не мясник. Это ты обратился не по адресу.

– На масле? – не понял Тянь-По.

Конан досадливо поморщился.

– Твои доблестные ученики уронили и разбили сосуд с маслом. Все растеклось по полу. Любоваться на битву дураков с дураками, скользящих по маслу, – истинное удовольствие для человека с крепкой душой. Я едва не лопнул со смеху.

– А где ты сам-то находился? – чуть прищурил и без того узкие глаза Тянь-По.

Конан ничуть не смутился. Недаром он был вором со стажем.

– Поблизости. Я руководил битвой. В результате... мы проиграли. – Он вздохнул. – Я едва унес ноги. Твои ученики в руках старика. Я не оставил бы их там, если бы не был уверен в том, что им не грозит опасность.

Тянь-По приподнялся. Костяными щипчиками взял с подносика засушенную розочку, осторожно положил ее в чай. Напиток сразу стал испускать новый, тонкий аромат. Конан раздул ноздри, как будто запах неприятно тревожил его.

– Ты уверен, что им не грозит опасность? – переспросил Тянь-По и отхлебнул чая.

– Да. Я посмотрел на этого Тин-Фу, – сказал Конан. – Цветочки, птички, борода белая... Больше похоже на сказку, чем на страшную историю с убийствами. Он любит загадки, искусство... каллиграфию...

– Каллиграф каллиграфу глаз не выколет, – сказал Тянь-По задумчиво. – Хотя... как знать! Что ты предлагаешь делать дальше, Конан?

– Попробую подобраться к нашему мудрецу с воздуха, – сказал Конан. – Пока я уносил ноги, у меня в голове появилось несколько свежих мыслей.

– Должно быть, ветром надуло, – сказал Тянь-По.

В этот момент в сад вбежал человек. Он был весь покрыт потом, халат на его спине потемнел, по лбу катились крупные капли.

– Кто ты? – спросил Тянь-По, приподнимаясь на подушках.

Конан тревожно коснулся рукояти меча. Хотя они и сидели в саду, окруженные карликовыми деревьями, цветами, крошечными прудами и красиво выложенными камнями, в мире тишины, созерцания и безопасности, с мечом варвар не расставался. Тянь-По давно привык к этой особенности своего приятеля, и его она не смущала.

Человек, загнанно дыша, уставился на Тянь-По.

– Я – один из учеников великого учителя Тин-Фу, – объявил он. – Мой господин отправил меня сюда, к учителю Тянь-По, дабы передать ему послание.

– Ты, должно быть, долго бежал, – сказал Тянь-По.

– Я был верхом на лошади, но она пала незадолго до рассвета, когда город был уже виден, – признался ученик.

– Ты – скверный ученик, если допустил, чтобы твоя лошадь пала! – сказал Тянь-По. – Я не желаю разговаривать с подобным ничтожеством!

Человек поклонился и ответил:

– Учителю Тянь-По и не потребуется разговаривать со мной, ибо я привез письмо от моего учителя.

С этими словами он подал Тянь-По бумагу.

Тянь-По развернул послание и прочитал вслух:

– "Твои ученики – настоящие обезьяны!"

Несколько мгновений он размышлял над прочитанным, а затем отправился в дом и вынес оттуда в сад набор письменных принадлежностей. Расположившись удобнее, он вывел на листке бумаги своим изящным почерком каллиграфа:

«Любая мартышка ближе к состоянию просветления, чем жадный глупец».

Он вручил послание ученику и выпроводил его вон.

Когда тот скрылся из сада, Тянь-По перевел взгляд на Конана.

– Что ты думаешь обо всем этом? – спросил Тянь-По.

– Ты ведь прочитал письмо и написал остроумный ответ, – молвил Конан. – Разве ты не понял, о чем написал тебе Тин-Фу?

– Нет, – признался Тянь-По. – Я ответил ему наугад. А у тебя есть предположения?

Конан медленно покачал головой.

– Никаких, – сказал он. – Разве что одно: Тин-Фу совершенно прав. Твои ученики – сущие обезьяны. Хотя и презабавные ребята. Мне было с ними интересно.

* * *

Ни у Тянь-По, ни у Конана не возникло даже мысли о том, что смысл послания Тин-Фу следует понимать буквально. А между тем это было именно так.

Инь-Тай недолго оставался в неведении относительно своей будущей судьбы. Неожиданно он почувствовал, что веревки, стягивающие его руки, ослабли. Он пошевелился, и это ему удалось. Что за чудеса! Никто не приближался к пленникам, никто не освобождал их от пут. Неужели колдун опоил их каким-то зельем или одурманил чарами и, пока оба находились в забытьи, решил их освободить?

Странно.

Инь-Тай шевельнул руками, и веревки упали. Он хотел было окликнуть своего товарища, но язык не повиновался ему. А совсем рядом послышался радостный крик обезьянки. Инь-Тай повернулся. Гуна поблизости не было.

На том месте, где совсем недавно корчился связанный Гун, сидела на корточках толстая лохматая мартышка и увлеченно гримасничала.

Инь-Тай протянул руку, чтобы коснуться ее. С ужасом он увидел, что его рука покрыта густой рыжей шерстью. Вторая мартышка мрачно закивала головой и обхватила себя длинными руками. Затем медленно двинулась вперед, приволакивая ноги. Ее хвост поднялся в воздух и несколько раз качнулся из стороны в сторону.

На деревьях при виде новых двух мартышек громко завопили другие обезьянки. На головы чужаков посыпались орехи, листья, палки.

Инь-Тай крикнул. Он хотел сказать своему товарищу: «Давай вздуем этих нахалов!», но человеческих слов у него не нашлось. Вытянутые губы исторгли странные пронзительные крики. Тем не менее Гун понял его и осклабился, показывая желтоватые клыки.

Миг – и обе новых мартышки взлетели на деревья. Может быть, ученики Тянь-По и сделались обезьянами (как любезно сообщил их учителю Тин-Фу), но своих боевых навыков

они не утратили. И это очень обрадовало Гуна и Инь-Тая.

С громким боевым кличем они ринулись в битву. Жертвой их первой атаки стал крупный самец с черноватой шерстью и нахальной мордой. Новички безошибочно узнали в нем лидера и решили сокрушить его. Другие обезьяны пытались поначалу защищать лидирующего самца, однако против бешеного вихря рук и ног (новообретенная одинаковая ловкость верхних и нижних конечностей восхищала Гуна и Инь-Тая) устоять не смогла ни одна обезьяна. И вскоре они начали отступать.

Лидирующему самцу приходилось теперь плохо. Его лупили и дубасили с обеих сторон. Он верещал, озирался по сторонам, а затем обхватил голову обеими длинными руками и заплакал, прося пощады.

Гун остановился первым. Инь-Тай еще раз наподдал противнику, но затем перестал бить и он. Самец с глубоким вздохом убрал с морды одну руку. На приятелей уставился круглый желтоватый глаз, в котором дрожала слеза.

Инь-Тай почувствовал сострадание к этому несчастному существу, которое совсем недавно было чем-то вроде императора в стае злонравных мартышек. Он решил выказать свою симпатию к поверженному лидеру. Будь они оба людьми, Инь-Тай предложил бы ему чаю или рисовой водки, а потом отправился бы с ним в квартал Красных Фонарей. Но в стае обезьян он принял другое решение. И повел себя с исключительной любезностью: обнаружил за ухом у самца крупную вошь, снял ее и раздавил черными ногтями.

Самец убрал от морды и вторую руку, а затем осторожно перелез на соседнюю ветку.

Самки-мартышки, вереща, окружили новых лидеров стаи. Инь-Тай обнаружил себя окруженным лохматыми и хвостатыми прелестницами, каждая из которых норовила обыскать его шерсть или потереться мордой о его плечо. Гун пользовался не меньшим вниманием.

Друзья осознали, что им происходящее очень нравится. Живя в мире людей, они никогда не пользовались таким беспредельным уважением, такой искренней и пылкой любовью!

Взмах крыльев

Конану несколько зим назад довелось встретить странных существ, которые не являлись людьми в полном смысле этого слова. Обычно для чудовищ подобные встречи с киммерийцем заканчивались плачевно – Конан обладал здоровым чувством прекрасного и не находил удовольствия в созерцании оскаленной клыкастой пасти или развернутых на полгоризонта кожистых черных крыл. Не любил он когтистых лап, норовящих выпустить кишки всему, что движется и не деревянное.

Однако эти существа были иными. Они появились на свет от заколдованной матери. Несчастная девушка, полюбившая колдуна настолько, что полностью предалась в его власть,

постепенно превращалась в птицу, а трое ее отпрысков родились крылатыми карликами. Утратившая рассудок их мать умерла, а карлики-крыланы некоторое время собирали сокровища, желая отыскать своего отца и заставить его расколдовать их, превратив в обыкновенных людей.

Встреча с Конаном полностью перевернула жизнь крыланов. Сокровища, украденные карликами, обрели... как бы это поделикатнее выразиться? – нового хозяина. Впрочем, крыланов киммериец тоже не обидел. Чего нельзя сказать об их отце – злой колдун был уничтожен. Братья-крыланы расстались с надеждой превратиться в обыкновенных людей. Следуя совету Конана, они перебрались в Кхитай, страну, где полным-полно странностей. Так охарактеризовал родину своего друга Тянь-По киммериец.

Действительно, в Кхитае никто не смотрел косо на трех низкорослых братьев-горбунов, которые купили небольшой чайный домик на окраине города Пу-И и открыли свое маленькое дело. Постепенно все трое женились и даже завели детей. Крылатой родилась только одна девочка; moreover, она оказалась прехорошенькой и очень послушной, так что ее отец был вполне ею доволен. Прочие дети выглядели совершенно обыкновенными.

Когда на пороге очаровательного чайного домика появился чужестранец, первой его заметила именно крылатая девочка по имени Фэй. Она сидела на ветке дерева и тарасилась на улицу, когда перед ней внезапно вырос гигант с мечом за плечами. Синие глаза гиганта были как раз вровень с глазами девочки. Фэй никогда не видела таких светлых и ярких глаз. Она тихонько вскрикнула, взмахнула крыльями и взлетела. Гигант рассмеялся.

– Вижу, я пришел куда следует – крикнул он в спину улетающей девочке. – Передай своему отцу, что здесь Конан-киммериец! Я хотел бы поговорить с ним! И с твоими дядями – тоже!

Фэй уже скрылась в саду. Некоторое время ничего не происходило. Конан, посмеиваясь, разгуливал по дорожкам и разглядывал многочисленные крохотные мостики, перекинутые через тонкие, как ниточка, ручейки, пруды, где резвились зеркальные карлики, каждый размером с монетку, выложенные камнями клумбочки с пахучими белыми цветами, малюсенькие искривленные деревца. По кхитайским меркам, дом был богатый и изящный, Конан мог судить об этом по ухоженному саду.

Вскоре навстречу к нему поспешили крыланы. Они окружили его и захопотали, как это делают все кхитайцы. Киммериец еще раз подумал о том, что кхитайские манеры весьма заразны и прилипчивы, и дал себе слово поскорее покинуть эту страну, куда он и сам не превратился в хлопчущего, суеющего кхитайца.

– Это же Конан! – радовались крыланы. – Он решил навестить нас! Нам очень приятно видеть тебя! Ты еще не видел наших жен! У нас прекрасные дети! У нас прекрасный чайный дом! У нас проводят время прекрасные люди! Они нам прекрасно платят!

– Я понял, понял, – отбивался варвар. – Чайный дом и все прекрасно.

Он сел прямо на землю и расхохотался до слез. Крыланы глядели на него немного озадаченно.

– Вы больше не хотите расстаться со своими крыльями? – спросил киммериец. Он знал, что полагается сперва поговорить о погоде, затем – о новостях при дворе Небесного Владыки, затем – о достоинствах женщин, затем – о достоинствах чая... и только после этого, может быть, гость сочтет возможным перейти к цели своего визита. Однако Конан спешил.

Крыланы растерялись. Потом один из них неуверенно выговорил:

– При дворе Небесного Владыки почти нет перемен... Все по-старому, только у первого министра благорастворения воздушных опять болит поясница...

Все облегченно закивали головами. Маленькая Фэй пронеслась над взрослыми, громко чирикающая на лету. Видимо, она пела.

Конан прищурился.

– У вас все детки с крыльями?

– Только дочка, – сказал отец Фэй не без гордости. – Ее наверняка братья подослали –

посмотреть, что происходит в саду. Сами-то прийти бояться. За любопытство их наказывают.

Конан вздохнул.

– Если вы не хотите расстаться с крыльями, то, может быть, у вас есть какие-нибудь другие заветные желания?

Опять сгустилась неловкая пауза. После этого еще один крылан произнес:

– Облака в форме совокупляющихся драконов сулят дождь, однако засуха в этом году может затянуться...

– А кто видел облака в форме совокупляющихся драконов? – оживился его брат, вдохновленный перспективой перевести беседу в приличное русло.

– Пришло сообщение с границы, – сказал крылан. – Доставила красивая женщина, которая прискакала на Небесном Коне.

– А, – молвил крылан.

И снова все замолчали.

– Колдун и мудрец Тин-Фу с горы Размышлений захватил в плен учеников моего старого друга Тянь-По, – сказал Конан. – Не знаю уж, что он с ними сделал. Конечно, мы и сами виноваты. Я и эти ребята. Ученики. Нельзя было соваться в пагоду без предварительной подготовки... Но кто знал, что у Тин-Фу хранится в кувшинах не что-нибудь, а масло?

– Этого никто не мог знать, – согласились крыланы, совершенно не представляя себе, о чем идет речь.

Конан пригладил растрепанные черные волосы.

– Я бы хотел обсудить с вами достоинства того прекрасного чая, которым вы потчуете своих прекрасных гостей, – объявил он. – Надеюсь, я веду себя достаточно по-кхитайски?

– Вполне, – неуверенно отозвались крыланы.

Обступив своего рослого гостя, они потащили его в глубину сада, где находился очаровательный чайный домик, выстроенный из дерева и разрисованный цветами розового лотоса и резвящимися рыбками.

Конан покорился неизбежному. Его устроили на плоских жестких подушках, подали в плоской чашечке нечто бесцветное, со странным привкусом, больше всего напомнившим Конану лежалую солому, и усадили на варвара в ожидании восторгов. Конан выразил полное удовлетворение. Ему нужна была помощь крыланов. И коль скоро трое братьев решили изображать из себя законченных кхитайцев, Конану придется играть в их игры и участвовать в их церемониях.

Он рассказал, потягивая чай, что недавно побывал на западе, где видел Дерево-Мать. Это дерево растет совершенно одиноко посреди голой пустыни. Каждое утро на рассвете на его ветвях появляются пищание младенцы, а когда солнце клонится к закату, младенцы обрываются с веток и убегают под землю. И там они становятся подземными карликами.

В ответ крыланы рассказали об одном полководце с востока, у которого был целый ящик бумажных солдатиков. Когда этот полководец видел перед собой неприятеля, он попросту ставил ящик на землю и дул на него. Бумажные солдатики превращались в настоящих и бесстрашно шли в атаку. А после окончания битвы полководец обходил поле сражения и дул на всех своих солдат, которые становились опять бумажными. Поэтому он не проиграл ни одной битвы.

– Кстати, о битвах, – сказал Конан, решив, что потратил достаточно времени на обмен вежливостями. – Тут у вас в Кхитае обитает замечательный колдун Тин-Фу, так вот, он вывел удивительных золотых рыбок...

Крыланы внимательно выслушали всю повесть об иероглифе желаний на чешуе рыбок, о позорном поражении Конана с двумя товарищами во время попытки обокрасть колдуна, об опасности существования таких рыбок...

– Ты прав, – сказал Конану один из братьев. – Мало ли что придет в голову какому-нибудь злонамеренному человеку, который может по случайности завладеть такими рыбками!

– Да и нам не помешало бы исполнить несколько наших желаний, – добавил второй. –

Лично я хотел бы обновить стену вокруг нашего садика и украсить ее изнутри изразцами. А это дорого стоит, трудоемко и займет много времени. То ли дело – рыбки!

– Наверное, у нашего киммерийского друга тоже найдется пара-тройка заветных мыслей, – проговорил третий. – И я уверен, что все эти мысли достойны великодушного человека!

Среди мыслей Конана по крайней мере одна не являлась таковой. Она была, напротив того, крайне невеликодушной, поскольку касалась султанапурского министра со всеми его интригами, заговорами и далеко идущими планами. Но киммериец не стал посвящать своих маленьких крылатых друзей в эти соображения. Он хлопнул себя по коленям.

– Итак, вы согласны заняться этим делом?

– Мы поможем тебе, Конан.

– В таком случае, я подожду вас здесь, – объявил Конан. – Собирайтесь. Нам предстоит довольно долгая дорога.

И Конан растянулся на полу чайного домика. Братья разбежались по саду, каждый к своему павильону, который он делил с супругой и детьми. Конан прикрыл глаза. Он очень устал. Некоторое время вокруг царил тишина. Негромкие голоса и быстренький топоток женских ножек, обутых в смешные деревянные туфельки, похожие на скамеечки, не нарушали общего покоя, охватившего этот садик.

Затем Конан ощутил на себе чей-то взгляд и открыл глаза. Прямо перед ним в воздухе висела крылатая девочка Фэй. Она бесцеремонно рассматривала, киммерийца, поэтому он счел возможным столь же прямо и нахально уставиться на нее.

А-а, Фэй, несомненно, была очаровательной. Вероятно, подумал Конан, она унаследовала многое из внешности своей бабушки, несчастной матери троих крыланов. Ведь та была чрезвычайно красива – до того, как колдун своими злыми чарами изменил ее естество. Кхитайская кровь придала ей почти фарфоровую хрупкость. У девочки было белое лицо с нежным румянцем, раскосые глаза – как будто нарисованные кистью каллиграфа, пухлые губы. Тонкие шелковые черные волосы отливали синевой. Она убирала их в хвост, по прическа выглядела небрежной. Впрочем, Конан догадывался о том, что эта небрежность была нарочитой и являлась результатом долгих посиделок перед зеркалом. Кхитайские женщины тщательно вытягивают из прически пряди, дабы подчеркнуть свое настроение: прядь на левом виске означает, кажется, грусть, на правом – веселье, а с обеих сторон... э... Конан всерьез задумался над этой проблемой.

– Что означают выпущенные пряди с обеих сторон? – неожиданно спросил он вслух.

– Желание участвовать в приключении! – выпалила Фэй.

– Ты шустрая малышка, – одобрительно проговорил Конан. – Что думает об этом твой отец?

– О том, что я шустрая? – уточнила Фэй. – Или о том, что я хочу участвовать в приключении?

– Первое, – сказал Конан.

– Ну... – Она задумалась. – Он говорит: «Разрази меня гром, если бы я был девочкой, я сидел бы дома!»

– Стало быть, одобряет, – сделал вывод Конан. – Возможно, мне удастся замолвить за тебя словечко.

– И меня возьмут с собой? – Она подпрыгнула в воздухе. – И мне не придется следовать за вами тайно?

– А ты собиралась сделать это?

– Ну конечно! – Она чуть надула губы. – Как бы я иначе участвовала в приключении, которое мне запретили?

– Смотри, как бы твой отец не лишил тебя крыльев! – предупредил Конан.

– Он не сможет этого сделать! Он разговаривал об этом с мамой, – сообщила Фэй.

– А ты подслушивала? – Конан попытался нахмурить брови и выглядеть строго. Варвару редко доводилось беседовать с девочками такого возраста.

Обычно его собеседницы бывали чуть постарше. Впрочем, большинство из них были старше лишь телом, но не умом, как не раз замечал Конан.

– Я подслушивала, это уж несомненно, – сказала Фэй, ничуть не смущаясь. – Отец говорил, что может пригласить врача, который отрезал бы мне крылья. Но эта операция крайне опасна. Он уже советовался. И кроме того, это было бы жестоко по отношению ко мне, так он сказал. Он знает, как я люблю летать.

– Но если твоему жениху это не понравится, Фэй? – спросил Конан. Он потянулся и зевнул.

– Что не понравится? Что я летаю? – Фэй чуть задумалась. – Ну так мы найдем такого, которому это понравится, только и всего! В Кхитае всегда сыщется странный человек, охочий до необычного. И кроме того, это ведь изысканно!

Она пролетела перед чайным домиком вперед-назад несколько раз.

В этот момент вернулись братья-крыланы. За ними семенили их жены, застенчивые маленькие женщины в очень простой домашней одежде. Из их причесок выглядывали только что сорванные цветы. Женщины несли походные сумки с припасами.

– Отправляемся немедленно, – объявил Конан, садясь. – Здравствуйте, дамы.

Жены крыланов захихикали, прячась за спинами своих мужей. Как ни были они малы ростом, но крыланы были еще ниже, поэтому попытка спрятаться удалась лишь отчасти. Конан ухмыльнулся.

– У меня, есть лошадка, а вам, я полагаю, лошади не потребуются... Да, еще одна проблема. С нами отправляется Фэй.

Одна из женщин ахнула и всплеснула руками, а отец Фэй сделал вид, что очень недоволен. На самом деле, как видел Конан, он испытывал тайную гордость за свою крылатую дочку.

– Я прослежу за тем, чтобы с ней ничего не случилось, – обещал Конан.

Фэй радостно завизжала и вылетела из-за дерева, куда скрылась при виде родителей.

Конан в сопровождении своих крылатых спутников выбрался из сада, и вскоре уже все пятеро тронулись в путь.

* * *

Быть мартышкой оказалось куда приятнее, чем таскать на себе громоздкое человеческое обличие. Инь-Тай говаривал, что завидует одной фее, которая за один день умела входить во все семьдесят своих воплощений, по личному выбору и в зависимости от обстоятельств.

– Вот это женщина! – восхищался Инь-Тай. – Вот бы и нам так! Лично мне понравилось быть разным. То ты человек, то ты обезьяна... Необыкновенно!

– Ее считали оборотнем и однажды вызвали на суд богов, – напомнил ему Гун. – Она еле сумела доказать обратное.

– Что она не оборотень? – уточнил Инь-Тай.

Гун задумался.

– Не помню, – признался он.

Они разговаривали, обмениваясь короткими пронзительными криками, однако превосходно понимали друг друга. Некоторые звуки, бессвязные для человеческого уха, оказались прекрасно приспособленными для передачи довольно отвлеченных понятий.

Иногда бывшие ученики Тянь-По видели внизу, возле пагоды, учителя Тин-Фу или его учеников. Тогда они принимались вопить и подсакивать на ветках, швыряя в своих недругов плодами и палками, но редко попадали в цель.

Мартышкам вовсе не хотелось снова становиться людьми – и теперь уже навсегда. Человеку приходится непрерывно учиться, в поте лица работать, постоянно быть вежливым и следить за своим поведением. Этикет в стае мартышек куда более прост. Можно,

например, есть руками, засовывать в рот целые плоды и брызгать соком, визжать и верещать, ходить без одежды, неограниченно наслаждаться любовью и знаками внимания со стороны особ женского пола... И, между прочим, обезьяна – ничуть не менее почтенное живое существо, чем человек. Словом, в своем теперешнем состоянии Гун и Инь-Тай находили множество преимуществ. Но это отнюдь не означало, что они утратили неприязнь по отношению к тем, кто захватил их в плен и поступил с ними по собственному усмотрению. Поэтому они всячески пакостили мудрецу Тин-Фу. В меру своих обезьяньих способностей, разумеется.

И вот их осенила гениальная идея.

– Мы научим нашу стаю всему, что знаем сами, – объявил Гун. – Рукопашному бою, атакам и уклонению, ловким подножкам, ударам и захватам.

Деревья огласились радостными визгами и воплями.

– Это ты сам придумал? – спросил товарища Инь-Тай, когда восторг немного поутих.

– С твоей помощью, – подумав, ответил Гун. – Я созерцал твой хвост и размышлял о том, что имея четыре руки вместо двух и хвост в качестве подмоги, мы сможем сражаться куда более ловко, чем некогда. А затем я посмотрел на остальных наших собратьев по стае и подумал, что обучив их нашим умениям мы получим непобедимое войско и сумеем нанести великий ущерб нашим врагам!

И оба бывших ученика Тянь-По обнялись и пустились в пляс по веткам, причем оборвались и едва не упали, но в последний миг уцепились хвостами и повисли вниз головой. Это привело их в бешеный восторг, и они вопили и верещали на все лады почти час.

Наконец, успокоившись, друзья решили донести первые крупницы своей мудрости остальным обезьянам.

Поначалу мартышки совершенно не хотели учиться правильному рукопашному бою. Они то и дело норовили вцепиться друг другу в шерсть и укусить. Но гневные вопли и щедрые оплеухи со стороны новых вожakov обезьяньей стаи довольно быстро принесли хорошие результаты: обезьянки стали слушаться. Вскоре они дружно вскрикивали по сигналу и одновременно делали выпад одной из рук. Попутно друзья усовершенствовали приемы хорошо известного им боя, учитывая хвост.

Обезьянки оказались отличными учениками. Они не спрашивали – «почему», «для чего». Хотя считается, что ученики и не должны задаваться подобными вопросами, но все же люди – существа любопытные и своевольные. Таковы уж они от природы. Поэтому время от времени учителю приходится лупить своих учеников палкой по голове, дабы отбить у них охоту лезть с ненужными расспросами. Обезьянки таким недугом не страдали. Довольно было единственный раз объяснить им, кто главенствует в стае. Большого им не требовалось.

Несколько раз Тин-Фу выходил на порог своей пагоды, садился там и поглядывал на деревья. Не нравилось ему почему-то то, что там происходило.

– Почему так расшумелись обезьянки? – спрашивал он себя. – Неужели эти ничтожные болваны, которые разбили мои сосуды с маслом, мутят там воду? Нет, это исключено! Обезьяны – почтенные существа, но с рассудком у них гораздо хуже, чем у людей. Вряд ли моим бывшим пленникам удастся их облапошить. Для того, чтобы быть обманутым, существо должно обладать достаточно развитым рассудком. У обезьян этого нет.

И все же шум тревожил его. То и дело с деревьев падали ветки. С хрустом обламывались сучья. Пронзительные выкрики животных становились все более ритмичными. В конце концов это начало напоминать пляску дикарей, готовых выйти на тропу войны. Тин-Фу никогда не бывал в Черных Королевствах и не видел, как негры готовятся пойти в атаку, как они вопят, бьют в барабаны и приплясывают, топчась по земле жесткими босыми ногами. Но если бы он побывал там, он понял бы, что дело плохо: с мартышками действительно что-то случилось.

«Возможно, они не могут поделить какое-нибудь лакомство, – размышлял мудрец. Затем он встал. – Слишком много внимания я уделяю каким-то мартышкам! – решил он. – Вместо этого следует лучше заниматься с моими учениками. Я мог бы загадать желание с

помощью рыбки и превратить этих тупиц в светочи премудрости, но боюсь, что такое деяние будет иметь дурные последствия».

Однажды Тин-Фу уже пытался сделать самого тупого из своих учеников самым сообразительным и остроумным. Он призвал того в комнату, расположенную на самой вершине пагоды, и подвел к хрустальному шару, наполненному водой. Там плавали золотые рыбки. На их красноватых чешуйках были отчетливо заметны иероглифы. Те самые значки, что были вырезаны на боку нефритовой рыбки, наследия родителей Тин-Фу. Он потратил почти всю жизнь на то, чтобы вывести рыбок с этим значком. И теперь настало время испытать волшебство.

Глупый ученик смотрел на рыбки, и в углу его рта скапливалась слюна. Он был голоден и думал о еде. О том, как эта рыбка будет разрезана на тонкие ломтики, пересыпана пряностями, подана на свежем листе...

– Сейчас произойдет великая вещь, – провозгласил Тин-Фу, созерцая своих рыбок. Он избрал взглядом одну из них и взмахнул рукой: – Заклинаю иероглифом... – Тут он закрыл глаза и прошептал несколько тайных слов, которых никто не расслышал.

А затем произошло нечто непредвиденное.

– А я есть хочу! – проговорил тупой ученик. – Она может сама засолиться и быть подана с копчением молодым бамбуком?

И в то же мгновение перед ним в воздухе появился свежий лист, на котором были разложены тонко настриганные ломтики молодого копченого бамбука, а наверху аккуратной кучки лежала засоленная золотая рыбка.

– Ух ты! – восхитился тупой ученик и сунул все в рот вместе с листом.

Тогда учитель Тин-Фу понял, что возможности иероглифа желаний ограничены умственными способностями тех, на ком должны сбыться эти желания. Это открытие серьезно обеспокоило его, и несколько месяцев он размышлял над тем, что сумел узнать. Глупого ученика он превратил в камышового кота и выгнал из дома. По слухам, кот удалился в Иранистан. Согласно другим слухам, он вернулся к себе домой, где родители тупицы охотно приняли сына, даже не заметив разницы.

* * *

Пагода на горе Размышлений производила великолепное впечатление в любое время суток, но ночью, облитая светом полной луны, она выглядела как хрупкий пришелец из страны богов. Вроде одного из тех дворцов, что непрестанно плавают по небу и время от времени опускаются на землю, чтобы передохнуть и дать возможность своим обитателям побродить среди людей и узнать новости.

Колокольчики под кровлей тихо позванивали в ночном ветерке, позолоченные части деревянной резьбы посверкивали таинственно. Каждый завиток на колоннах был виден отчетливо. Змеились полоски на тщательно подметенных песчаных дорожках перед самой пагодой, а кусты и деревья темнели мрачными купами. Несколько лягушек решили почтить ночь своими радостными воплями, от которых, казалось, дрожали на черном небосклоне самые звезды.

Крыланы, бесшумно взмахивая крыльями, поднялись в воздух и облетели пагоду. В лунном свете они были похожи на огромных летучих мышей. Девочка Фэй приплясывала на месте от нетерпения. Конан держал ее за тоненькую ручку, чтобы она не увязалась вслед за старшими.

– Там может быть опасно, – прошептал ей Конан одними губами. – Будь благоразумна.

– Ай! Хочу с ними! Отпусти! – она дергала руку и кривила губки. – Мне же интересно!

Конан накрыл ее рот своей ручищей. Сказать по правде, его ладонь заслонила почти все ее личико.

Остались на воле только глаза, которые поблескивали от любопытства.

Наконец крыланы вернулись.

– Хрустальный шар там, – сообщил один из них. – И рыбки внутри плавают. Три или четыре, мы не разглядели.

– Всего? – изумился Конан.

– Если они в состоянии исполнить любое желание, то в них заключено практически всемогущество, – заметил один из крыланов.

– Я хочу, чтобы у меня были золотые волосы, – объявила Фэй. – И еще туфельки как у Феникс, императрицы Кхитая, – такие, из золотой проволоки, с драгоценными камнями, с жемчужинами и бархатной стелечкой... Как на картине в доме у папы.

– Тебя не спрашивают! – оборвал ее крылан-отец. Несмотря на ночную темноту, Конан заметил, что он смутился и даже покраснел.

– Но ты же обещал... – заныла Фэй.

– Глупый ребенок! – прошипел крылан. – Молчи!

– Действуем так, – заговорил Конан, делая вид, что ничего не произошло. – Вы, ребята, поднимаете меня вверх и ждете, а я заберу шар и вместе с ним выйду к вам. Как увидите меня с шаром на карнизе пагоды, сразу хватайте под руки и опускайте.

– Шар тяжелый, и ты тоже не пушинка, киммериец, – возразили крыланы. – Сперва мы заберем рыбок. Потом вернемся за тобой.

– Это мне нравится меньше, но ничего не поделаешь, – согласился Конан. – Начали!

Крыланы обступили его и обхватили цепкими холодными руками. Конан почувствовал, как его отрывают от земли и вздымают в воздух. Тяжелое дыхание крыланов звучало хрипло. Крылья со свистом медленно рассекали воздух. Летуны миновали первый этаж пагоды, второй... Конан мимолетно разглядел спальню мудреца на втором этаже – скромные циновки, несколько листов хорошей бумаги с написанными на них изречениями (работа превосходного каллиграфа, подумал варвар, успевший научиться ценить красивый штрих, оставленный кистью)... Третий этаж был отдач ученикам – эти храпели на растрепанных циновках, причем кое-где стояли бутылки, явно не с водой. Четвертый этаж был пуст. На пятом, самом маленьком, находился хрустальный шар. Здесь крыланы опустили Конана на карниз, и ловкий горец быстро скользнул внутрь помещения.

Снять шар с подставки ничего не стоило, хотя весил он немало – как и предупреждали крыланы. В мудреце Тин-Фу Конан не ошибся: злой колдун непременно окружил бы свое сокровище чарами, но здесь никаких чар не было и в помине. Ни демонов, выскакивающих неизвестно откуда, ни ядовитого тумана...

Конан подтащил шар к краю и высунулся.

– Я здесь! – окликнул он своих сообщников.

Крыланы – Конан успел заметить, что их четверо, – схватили шар и изо всех сил взмахивая крыльями полетели с ним прочь. Киммериец остался в пагоде один. Он уселся на пол, скрестив ноги, на том месте, где только что находился шар, и стал думать: не выбраться ли ему, не дожидаясь крыланов, старым привычным способом – по стене?

Киммериец встал, решив воспользоваться собственным советом и унести ноги из пагоды как можно скорее. Но не успел.

Внезапно ночь взорвалась. Из темноты на пагоду обрушился настоящий дождь из живых тел, косматых, горячих, вопящих. Отовсюду к Конану тянулись жадные руки, длинные пальцы хватали его за волосы, за руки, за лицо, дергали за нос и уши, пытались порвать на нем одежду.

– Обезьяны! – вскрикнул варвар. Он начал отбиваться от обезумевших животных, расшвыривая их в разные стороны ударами могучих кулаков.

Однако обезьяны не сдавались. Вереща и скаля зубы, они снова и снова атаковали могучего варвара.

Шум пробудил остальных обитателей пагоды. Замелькали факелы, затопали ноги, послышалась ругань. Один за другим в тесное помещение, кишмящее разъяренными мартышками, врывались ученики Тин-Фу. И тут перед глазами Конана развернулось

поразительное зрелище.

Мартышки выстроились в боевой порядок и пошли в атаку. Ученики пытались отбиваться. Сражение закипело с переменным успехом. Мартышки совершенно явно владели приемами человеческой борьбы! Тогда у Конана и появилось первое подозрение насчет того, какой смысл вкладывал Тин-Фу в свою записку, отправленную Тянь-По: «Твои ученики – настоящие обезьяны».

Потому что мартышки никак не овладели бы наукой кхитайской борьбы, если бы у них не было подходящих учителей. А какая мартышка годится на роль учителя? Вывод возможен лишь один.

Конан захохотал и схватился за голову.

Сражающиеся не обращали на варвара почти никакого внимания. Лишь время от времени какой-нибудь из увлекшихся бойцов пытался нанести удар оказавшемуся поблизости киммерийцу. Тот добродушно отшвыривал незадачливого драчуна и только посмеивался, глядя, как бедняга кувыркается.

Затем Конан ступил на карниз и начал спускаться.

Ему совсем не хотелось встречаться с учителем Тин-Фу. Неизвестно, какие еще трюки в запасе у этого мудреца.

* * *

Ужас! Ужас! В пагоде – полный разгром! Половина учеников лежит и стонет, их царапины и укусы кровоточат, их конечности сломаны, их пальцы распухли, их глаза подбиты, их носы испускают неприятную с виду жидкость... Драгоценные свитки изорваны в клочья, как будто по ним прошлись острыми ножами. Превосходная кхитайская тушь разлита по циновкам, ею обрызганы стены, и вряд ли теперь удастся отмыть ее – ведь это кхитайская тушь, да еще наилучшего качества! Кисти переломаны и разгрызены острыми обезьяньими зубами. Масло опять разлито по всему первому этажу, только на сей раз некому вытирать его.

Тин-Фу глядел на то, во что мартышки превратили его красивое, изысканное жилище, и размышлял о своем предназначении. И, поскольку он больше не был мстителем, но сделался мудрецом, то в конце концов Тин-Фу рассмеялся.

– Я должен был догадаться, что родители мои явили великую мудрость, спрятав нефритовую рыбку и никому не желавшие показывать иероглиф желания. Чего достиг я, завладев этой тайной? Враг мой умер без моего участия. А все желания, которые мне удалось исполнить, – глупы и ничтожны и конце концов едва не погубили мою собственную жизнь! Я превратил дурака в камышового кота – и он, по счастью, покинул эти земли. А затем я из двух неудачливых бойцов сделал двух обезьян – и что же? В качестве обезьян они преуспели куда больше, нежели в качестве бойцов! И вот уже моя пагода разгромлена, и все мои свитки изорваны, а мои ничтожные ученики превращены в прах... Воистину, я недостаточно мудр, чтобы владеть этими рыбками!

Сказав так, Тин-Фу немедленно удалился в лес и там занялся самосозерцанием, предоставив своим ученикам приводить пагоду в порядок без учительского надзора.

* * *

Тем временем крыланы удалялись от пагоды. Каждый взмах крыльев уносил их от горы Размышлений. Тяжелый хрустальный шар делался все тяжелее. Его стенки намокли, потому что при полете вода выплескивалась из него и брызгала во все стороны. Хрусталь стал скользким.

Даже помощь Фэй немногим улучшала положение крыланов, хотя девочка старалась

изо всех сил.

Тем не менее они летели и летели, не желая подводить своего друга, человека, который помог им избавиться от злого колдуна, отомстить за мать и наконец обрести полноценное бытие в далеком Кхитае. Возможно, Конан и сам не понимал, как много он сделал для «горбатых старичков» – таковыми считали крыланов в те дни, когда киммериец впервые свел с ними знакомство. Но сами крыланы вполне отдавали себе в том отчет.

Рыбки, перепуганные происходящим, метались внутри шара и время от времени подпрыгивали, как будто хотели выскочить.

– Сидите смирно! – уговаривала их Фэй. – Сидите тихонько, не то вы разобьетесь! Вы упадете вниз, на сухую землю, и погибнете! Ах, бедные, бедные золотые рыбки!

От постоянного мелькания золотых тел, дробящихся в беспокойной воде, в глазах у крыланов прыгали искры.

– Давайте передохнем, – предложил один из них.

Они осторожно опустили шар на землю и поставили шар. Рыбки понемногу успокаивались. Теперь было очевидно, что их четыре. Они вытягивали хрящеватые губы и как будто удивлялись чему-то.

– Наверное, голодные, – предположила Фэй. – Кушать просят. Давайте покормим их хлеба.

Отец Фэй хлопнул ее по руке.

– Такие волшебные рыбки не едят хлеба и того, что едят люди! Должно быть, они питаются особенными червячками, с рубиновыми телами, гладкими и блестящими, особенной породы.

– Напрасно мы их не захватили, в таком случае, – объявила Фэй. И наклонилась над шаром: – Ах, вы, бедненькие! Как перепугались! Ничего, скоро мы добудем для вас рубиновых червячков, и вы будете кушать, как привыкли!

Рыбки, казалось, молчаливо соглашались с девочкой. Она приблизила лицо к самой кромке воды. Тотчас одна из рыбок, как будто привлеченная этим, подплыла ближе и почти высунулась наружу. Девочка ощутила, как крохотный беззубый рыбий ротик прикасается к ее подбородку, и тихонько засмеялась от удовольствия.

– Мы с тобой подружимся, – прошептала она одними губами, чтобы старшие не слышали.

Впрочем, старшим было не до проделок Фэй. Они едва дышали. Они улеглись на земле, раскинув крылья и прижав их к почве так, чтобы ночная прохлада, исходящая от остывшей земли, пропитывала воспаленную кожу. Руки у них ныли.

– Ты знаешь мои заветные желания, рыбка? – нашептывала Фэй своей новой «подруге». Та как будто кивала и водила чуть выпученными глазами, словно показывая – «да, да, да». Фэй ощущала, как волны удовольствия бегут по ее телу. У нее прямо ладони зачесались от удовольствия! – Ты ведь не погибнешь после того, как исполнишь мою просьбу?

Рыбка глянула на Фэй с непонятным лукавством.

– Я умею читать, – гордо сообщила Фэй. – Меня отец научил. Он считает, что женщина должна выходить в жизнь во всеоружии. Ей не обязательно признаваться в том, что она умеет читать, но лучше уметь, чем не уметь... Кроме того, я ведь все равно крылатая. То есть, я хочу сказать, одной странностью больше, одной странностью меньше...

Рыбка пробормотала в маленькое ушко Фэй:

– Уметь писать для кхитайской женщины – не такая уж странность... Не морочь мне голову, девочка.

– Ты умеешь разговаривать?

– Не такая уж это странность для кхитайской рыбы, – прошелестела рыбка. Фэй показалось, что она смеется. По поверхности воды пробежали пузырьки.

– Я хочу, чтобы у меня были золотые волосы! – выпалила Фэй.

– Настоящее золото? – удивилась рыбка. – Это тяжело. Будет болеть голова.

Фэй показала пальцем на рыбу чешую.

– Такого цвета, как ты,
– Это называют золотом? – рыбка выглядела пораженной. – Ну надо же!
– Мы находим этот цвет очень красивым, – пояснила Фэй. – В Кхитае у женщин не бывает таких волос. Я хочу быть единственной.

– Это нетрудно исполнить, – сказала рыбка. – Что-нибудь еще?
– Да, – кивнула девочка. – Туфли как у Феникс... Я мечтаю о них всю жизнь.
– Мечты детства должны сбываться, – согласилась рыбка. – И лучше, когда они сбываются в детстве... Потому что иначе приходится ждать старости. В старости человек становится достаточно мудрым, чтобы вспомнить о тех мелочах, которые были желанны для него в детстве, и вновь пожелать их от всего сердца. Это настоящее искусство.

– Во-первых, я уже не ребенок, – начала Фэй. – А во-вторых, я не хочу ждать старости... Я хочу туфли, как у Феникс!

И она начала читать иероглиф на боку у рыбки.

Когда крыланы наконец перевели дух, они увидели, что солнце восходит. Первые лучи, простершиеся над равниной, залили гору Размышлений розоватым светом. Туман быстро исчезал, открывая для взора причудливо изогнутые деревья, растущие по склонам, и их листву, дрожащую на утреннем ветру. А затем нечто золотое метнулось в глаза и едва не ослепило крыланов.

Это была Фэй, золотая крылатая девочка. Волна длинных, ниже пят, волос цвета огненного золота лежала рядом с ней на земле. Фэй спала и счастливо улыбалась во сне. Рядом с ее щекой на земле стояла пара туфелек – точно таких, как были нарисованы на картине, изображающей императрицу Феникс.

А в хрустальном шаре по-прежнему плавали золотые рыбки. Только одна из них была обыкновенной, без иероглифа желаний на боку. Время от времени эта рыбка приближалась к той стенке шара, что была обращена к Фэй, и любовалась девочкой.

Отец Фэй схватился за голову.

– Что я скажу ее матери!

Остальные братья тихо засмеялись.

– Ничего страшного не случилось. Просто твоя дочь добилась своего... Чего нельзя сказать о нас. Впереди еще долгий путь. Как ты думаешь, нам стоит доставить этот шар в Пу-И, в дом, где мы живем?

– Очень хорошая мысль, – согласился отец Фэй. – В таком случае – в путь.

– А как же Конан? Мы ведь не можем бросить его! – возразил другой крылан.

– Конан вполне в состоянии позаботиться о себе сам. Жил ведь он как-то без нас все эти зимы! А вот рыбки нуждаются в нашей помощи. Не забудьте, нам еще предстоит разыскать червячков...

– Они согласны кушать раскрошенные лепешки, – пробормотала Фэй в полусне.

– Откуда ты знаешь? – строго спросил ее отец.

– Она мне сказала... – Фэй открыла глаза и улыбнулась. – Какое прекрасное утро, папа! Как тебе нравятся мои новые волосы?

* * *

Пока пагода и стонущие ученики оставались во власти мартышек, а Тин-Фу размышлял о своих ошибках и новом пути к совершенству, Инь-Тай и Гун покинули стаю.

– Мне надоело верещать и бесноваться, – признался Гун. – Мне хочется опять погрузиться в изучение иероглифов. Как хорошо жилось нам у учителя Тянь-По! Он показывал нам разные стили написания иероглифов, объяснял значение мудреных значков, рассказывал, как много смыслов может передать единственный штрих кисти! Разве это не было изысканным?

– Ты прав, – соглашался с ним Инь-Тай, – Конечно, ласки прелестных мартышек очень

хороши, но хочется иногда, чтобы к тебе прикасался кто-нибудь гладкий, безволосый... с шелковистой кожей... Хотя иные и обладают приятной шерсткой, но она все же сальная... Я понимаю, это нужно для того, чтобы отталкивать от кожи влагу, но все-таки...

– Ты думаешь только о женщинах! – упрекнул товарища Гун. – Разве ты не скучаешь по мудрости?

Инь-Тай глубоко вздохнул.

– Конечно, скучаю!

– В таком случае, нам следует оставить животных и вернуться к людям! – решительно произнес Гун.

– Но как мы это сделаем, коль скоро мы – мартышки? – удивился Инь-Тай.

– Мы подберемся к золотым рыбкам с иероглифом желаний и попробуем прочитать его, чтобы вернуть себе человеческое обличье! – объявил Гун. – Уверен, у нас это получится!

И две мартышки отделились от бесчинствующей стаи и стали разыскивать хрустальный шар. Они обошли всю пагоду, заглянули повсюду, но везде их ждало ужасное разочарование. Шара с волшебными рыбками здесь не оказалось.

– Где же он? – бормотал Гун.

– Должно быть, Конану удалось похитить его, – предположил Инь-Тай.

– Либо его унес с собой учитель Тин-Фу, – добавил Гун.

И они, убитые печалью, ушли в лес, чтобы отыскать там учителя Тин-Фу и попробовать вывести у него – где находятся волшебные рыбки.

Учитель Тин-Фу обнаружился на склоне горы совсем недалеко от пагоды. Он сидел на куче опавших листьев и рассматривал нескольких жучков. Жучки ползали по земле, явно преследуя некие цели. Учитель пытался постичь – какие.

Когда перед ним возникли две обезьяны, он поднял на них печальные глаза.

– Полагаю, вы – те самые дураки, что разлили масло в моей пагоде? – спросил их учитель Тин-Фу.

Обезьяны закивали головами и принялись верещать на разные лады, то вскидывая руки, то хлопая ладонями по земле и подскакивая.

– Да, это вы, нет сомнений, – заключил Тин-Фу. – Хотел бы я превратить вас обратно в людей. Так вы принесете ощутимо меньше вреда.

Обезьяны изобразили неопишуемый восторг. От их ликующих воплей у Тин-Фу заложило уши, и он поднес к вискам ладони, чтобы спастись от шума.

– Нет, нет, ведите себя потише, иначе я не стану разговаривать с вами! – воскликнул Тин-Фу. – Глупые обезьяны. Вы разгромили мою чудесную пагоду! Вероятно, вы желали отомстить мне? Какое глупое желание! Поверьте мне, я – великий мститель. Я взял себе в союзники время и мудрость, и мой враг мертв, а мои желания исполнились.

Обезьянки выразили глубокую озабоченность. Одна из них даже попыталась изобразить на земле

– Да, да, вы хотели бы знать, где мои волшебные золотые рыбки! – продолжал Тин-Фу.

– Но спросим себя, для чего нам эти золотые рыбки? Для того, чтобы исполнять наши ничтожные, глупые, опасные желания? Это приносит вред! Не следует пользоваться рыбками для исполнения желаний! Терпение и самосовершенствование – вот истинный путь. Всякий раз, когда я пытался ускорить ход событий, прибегая к волшебству, происходило нечто неприятное, имеющее печальные последствия. Итак, глупые обезьяны, садитесь на землю и займитесь созерцанием.

«Конечно, созерцание не превратит их обратно в людей, – размышлял про себя Тин-Фу, – однако утихомирит, по крайней мере, на некоторое время. А я пока придумаю, как мне поступить с ними дальше...»

Обезьянки послушно уселись, обхватили себя длинными руками и насупились. Время от времени они принимались искать на себе насекомых, и тогда их сосредоточенность делалась особенно углубленной. Тин-Фу вновь погрузился в свои невеселые мысли. Ему казалось, что он потерпел полное поражение. Теперь весь Кхитай будет над ним смеяться.

Великий учитель, овладевший тайной иероглифа желаний, стал жертвой стаи рассвирепевших мартышек! Ученики больше не станут уважать его. Они оправятся от своих ран и покинут Тин-Фу. Пагода обветшает, некому будет чинить ее и ухаживать за ней. О, это ужасно! Это очень печально. Возможно, следует совершить самоубийство?

Во власти таких мыслей Тин-Фу провел еще несколько часов. Обезьянки усердно подражали ему. Они сидели неподвижно и только время от времени косили глазами. А затем произошло нечто невероятное. Сперва Инь-Тай, а затем и Гун начали терять шерсть. Их лица изменились, руки стали короткими, хвост исчез... Еще несколько мгновений – и вот уже перед пораженным учителем Тин-Фу сидят те самые два молодых человека, которые разлили масло.

Они переглянулись и с радостным криком бросились друг другу в объятия.

– Гун! – верещал Инь-Тай. – Ты вернулся! Ты снова человек!

– Инь-Тай! – гудел Гун, гулко хлопая приятеля по тощей спине. – Ты опять здесь, со мной!

– Я всегда был с тобой, – напомнил Инь-Тай.

– Да, но в каком ты был виде! Вспомнить страшно! – возразил Гун.

Оба они уставились на учителя Тин-Фу и дружно упали ему в ноги.

– Вы – великий учитель! – провозгласил Гун.

– Более великий, чем наш учитель Тянь-По! – добавил Инь-Тай.

– Нашему учителю Тянь-По потребовались бы золотые рыбки с иероглифом желаний, чтобы превратить нас обратно в людей! – кричал Гун в полном восторге.

– А вам оказалось довольно одной медитации! – вторил товарищу Инь-Тай. – Вы воспользовались исключительно силой своего духа! Вам повинуется природа, потому что вы совершеннее природы!

Учитель Тин-Фу вновь обрел веру в себя. Он снизошел до улыбки и отогнал от себя печаль.

– Теперь я вижу, в чем состоит истинная мудрость, – проговорил он. – И охотно беру вас к себе в ученики. Идемте, ученики. У нас есть важное дело – мы должны привести пагоду в порядок. И уговорите обезьян уйти в лес. Иначе нам никогда не будет покоя.

Он поднялся и зашагал к своему разгромленному жилищу.

* * *

– В конце концов, я оказался в выигрыше, – объявил Тянь-По своему другу Конану, когда оба они почтили своим присутствием чайный домик крыланов.

Фэй, прекрасная, как весенняя фея, медленно скользила по воздуху. Ее крошечные ножки, обутые в туфельки Феникс, лукаво ступали по пустоте. Длинные золотые волосы плыли, как облако. Это удивительное видение в окружении цветов и деревьев представлялось Конану чем-то вроде грез, вызванных курением порошка черного лотоса.

Он даже стал раздумывать над аферой по торговле фальшивым дурманящим порошком. Положим, предложить покупателю на пробу какой-нибудь ерунды, вроде толченой степной травы. Он покурит и поначалу ничего не почувствует, а потом увидит Фэй – и все, готов: вообразит себя в саду фей. Охотно купит всю партию за любые деньги!

Можно неплохо заработать...

Но потом Конан подумал о самой Фэй и отказался от своего плана. Незачем впутывать это очаровательное дитя в сомнительные приключения.

В пруду плавали золотые рыбки. Теперь только у двух был на боку иероглиф желаний, но скоро пропадет и он. У братьев-крыланов имелись некоторые планы касательно улучшения некоторых пород деревьев, растущих в саду; а Тянь-По наконец-то осуществит свою мечту касательно бумаги. Много-много хорошей бумаги для каллиграфии.

– Не понимаю, о каком выигрыше ты говоришь, – проворчал варвар. – Половина

Кхитая болтает о том, что Тин-Фу – более великий учитель, чем Тянь-По, потому что Тин-Фу удалось превратить обезьянок в людей без всякого вмешательства чар, одним только созерцанием и этим... само...

– Самосовершенствованием, – подсказал Тянь-По. – О, каким глупым он на самом деле стал! Как далеко зашло его самодовольство, если он поверил в эти разговоры! Но я знаю тайну, и этого мне довольно. Я знаю, почему ученики Гун и Инь-Тай снова стали людьми!

Он указал на рыбок, резвящихся в пруду, и рассмеялся.

– Конечно, жаль, что одной из них пришлось расстаться с иероглифом ради недоумков Гуна и Инь-Тая, но ничего не поделаешь! Если они были рождены людьми, следовательно, таково их предназначение – быть людьми и существовать в этом облике до самой смерти. Не мне изменять их предназначение.

Конан фыркнул.

– Представляю, как удивился Тин-Фу, когда они перестали быть обезьянами!

– Если он вообще заметил разницу, – проворчал Тянь-По и осторожно взял чашку с чаем. Чашка была почти прозрачной и казалась сделанной из бумаги, хотя на самом деле это был фарфор. – Твои крылатые друзья готовят превосходный чай.

– Я бы предпочел превосходное вино, буркнул Конан. – Впрочем, скоро у меня появится возможность насладиться вкусом настоящего напитка.

– Ты уезжаешь? – спросил маленький каллиграф.

Киммериец кивнул.

– Хватит с меня кхитайских чудес и кхитайских церемоний! Жаль, конечно, что я уезжаю с пустыми руками. Как я уже говорил тебе, время от времени я начинаю сильно скучать по желтеньким кружочкам, которые называются деньгами.

– Кстати, об этом, – деланно спохватился кхитаец и полез к себе за пазуху. – Я написал письмо властителю Небесного Спокойствия...

– Это еще кто такой? – с подозрением осведомился киммериец.

– В других странах его бы назвали министром безопасности... Он следит за тем, чтобы никто не покушался на особу Небесного Владыки... – пояснил Тянь-По. – Я рассказал ему о замыслах султанапурцев... В самых общих чертах. Я написал, что один преданный человек донес мне – своему другу – о плане похищения Феникса. И вот что прислал тебе властитель.

С этими словами Тянь-По подал Конану небольшой бумажный листок с несколькими иероглифами и маленький мешочек. Конан быстро развязал тесемки. В мешочке обнаружился крупный алмаз.

На листке написано одно из драгоценных изречений, – сказал Тянь-По, но Конан отмахнулся от своего приятеля:

– Изречение можешь оставить себе и изучать его на досуге, – сказал киммериец. – Камень весьма недурен. Пожалуй, я не жалею о том, что отправился в Кхитай!

– Знаешь, Конан, что самое интересное и поучительное в этой истории с золотыми рыбками? – задумчиво проговорил Тянь-По.

Конан поднял на него глаза. Он совершенно не думал о том, что из случившегося с ним в Кхитае можно извлечь какую-то мораль.

– Поучительное? – переспросил Конан и подбросил на ладони алмаз. – Есть вполне ощутимая выгода! Вот что поучительно!

– Почти все наши желания исполнились без всякого волшебства, – сказал Тянь-По. – Над этим стоит поразмыслить. Мы добились своего, не прибегая к помощи иероглифов желаний. Мои глупые ученики не в счет – они сперва были заколдованы, а потом расколдованы. Нет, человек в состоянии поручить желаемое сам, без магии!

– Кроме Фэй, – напомнил Конан. – Ее золотые волосы...

– Но Фэй – сама по себе волшебное существо, – возразил Тянь-По. – Впрочем, как всякая прекрасная женщина!

Друзья дружно вздохнули, и Конан одним залпом прикончил жиденький желтоватый чай.

